

РЕНЕ
РОЗЕН

ЛЕТО

на парк-авеню

ЖУРНАЛ

COSMOPOLITAN

РЕКОМЕНДУЕТ

*«Гламурный
и безжалостный
Нью-Йорк 1960-х
глазами женщин.
Роман о любви,
предательстве
и умении оставаться
собой вопреки
обстоятельствам»*

ЕКАТЕРИНА ВЕЛИКИНА,
главный редактор
Cosmopolitan Россия

Рене Розен
Лето на Парк-авеню

Издательство "Livebook/Гаятри"

2019

УДК 82-94
ББК 84 (7)

Розен Р.

Лето на Парк-авеню / Р. Розен — Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2019

ISBN 978-5-907428-02-7

Документальный роман об эпохе, когда женщины обрели голос, и о легендарном главном редакторе Cosmopolitan Хелен Гёрли Браун, возглавлявшей издание 32 года и сделавшей его иконой стиля. Нью-Йорк, 1965 год, новый главный редактор Cosmopolitan шокирует Америку откровенными статьями обо всем, о чем не принято говорить. Мужчины-редакторы пачками пишут заявления «по собственному желанию», рекламодатели отзывают бюджеты, но Хелен не намерена сдаваться – ведь ее поддерживают читательницы и верная ассистентка Элис Уайсс. Элис – провинциалка, которой крупно повезло: едва сойдя с поезда, она устроилась в Cosmopolitan и попала в гламурный мир дорогих ресторанов, роскошных вечеринок и опасных мужчин. На что способны девушки, которые знают себе цену?

УДК 82-94

ББК 84 (7)

ISBN 978-5-907428-02-7

© Розен Р., 2019
© Издательство "Livebook/
Гаятри" , 2019

Содержание

Пролог	6
Глава первая	7
Глава вторая	14
Глава третья	18
Глава четвертая	23
Глава пятая	29
Глава шестая	38
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Рене Розен

Лето на Парк-авеню

Моим девочкам:

Саре Груэн, Бренде Клем, Минди Мэйлмен и Пэм Розен.

Люблю вас всех!

RENEE ROSEN

Park Avenue Summer

Публикуется по соглашению с Taryn Fagerness Agency и Synopsis Literary Agency.

Фото на обложке: Woman In A Street Of New York 1960 by Keystone-France/Gamma-Keystone предоставлено Getty Images.

Дизайн обложки Виктории Лебедевой

Copyright © 2019 by Renee Rosen

© Дмитрий Шепелев, перевод на русский язык, 2021

© ООО «Издательство «Лайвбук», оформление, 2021

* * *

«Рене Розен для меня спец по части смекалистых героинь, влюбленных в свою работу... „Лето на Парк-авеню“ – это чудесный летний коктейль для читателей!»

– *Кейт Куинн,*

автор бестселлера «Сеть Алисы».

«Восхитительно легкий роман, прославляющий женскую дружбу и веру в себя. В „Лете на Парк-авеню“ под пером Рене Розен оживает легендарная издательница „Космополитена“ Хелен Гёрли Браун, а вместе с ней и прекрасная ушедшая эпоха, показанная с тонкостью, мудростью и любовью».

– *Джейми Бреннер,*

автор бестселлеров «Лето навеки» и «Час мужа».

«„Лето на Парк-авеню“ – это актуальный взгляд за кулисы гламурного и безжалостного мира „Космополитена“ 1960-х, а также яркий и сексуальный оммаж Хелен Гёрли Браун и ее „девочкам“ – поколению женщин, бравших Нью-Йорк штурмом, вдохновляя тех, кто пришел им на смену. Этот роман, дышащий любовью, остроумием и свежестью, поражает и покоряет. Просто чудесно!»

– *Шанель Клитон,*

автор романа «Следующий год в Гаване».

Пролог

2012

В окна задувает ветер, лениво поигрывая занавесками. Сейчас август, и воздух с утра дышит зноем. Я сижу за кухонным столом, солнечный луч наискось ложится на газету и греет мне руки, а кофе тем временем стынет. Я вдруг не нахожу в себе сил встать и взять чистую чашку, сердце мое тревожно сжимается, а взгляд прикован к заголовку «Нью-Йорк Таймс»: «Хелен Гёрли Браун, легендарный редактор „Космополитена“, скончалась в возрасте 90 лет».

Слова рисуют ее портрет, отдавая дань уважения женщине, которая поощряла одиноких девушек по всей стране на сексуальную революцию и воскресила умирающий журнал, явив миру новое чудо, «девушку в стиле Космо». Через несколько абзацев упомянуты матерые феминистки, Бетти Фриден и Глория Стайнем, и затронута неоднозначная роль Хелен Гёрли Браун в женском движении. Материал добротный, это ведь «Таймс», и я не сомневаюсь, что Маргалит Фокс проделала хорошую работу, но все же там чего-то не хватает. Того, что известно лишь избранным, знавшим Хелен лично.

Я пробегаю взглядом некролог, и мне в глаза бросается строчка: «Хелен Гёрли Браун прожила 90 лет, хотя местами она была значительно моложе». Я невольно улыбаюсь и глажу пальцами черно-белую фотографию, сделанную в ее офисе в 1965 году, вскоре после того, как она пришла в «Космополитен». Хелен, в платье с леопардовым принтом, сидит за своим столом с карандашом в руке, а перед ней разбросаны бумаги. С краю видна обрезанная фигура молодой женщины. В редакции взяли ножницы и располовинили бедняжку. Но я и так узнала геометрический узор ее платья и край лица; глаз, нос и уголок губ, как и легкие завитки волос, касающиеся воротника. Мне хорошо знакомо это платье, а женщина – и подавно.

Ведь это я сама, сорок семь лет назад.

Глава первая

Нью-Йорк, 1965

Я так часто мусолила и складывала схему метро, что через пару дней она чуть ли не разваливалась надвое. И все равно меня угораздило сесть не в тот поезд. Уже в который раз. Вместо 57-й улицы я приехала на Таймс-сквер.

И что теперь?

Я вышла из вагона, сделала несколько робких шагов по платформе и замерла, чувствуя, как люди обтекают меня, задевая папку с фотографиями – мое портфолио. Молодая женщина в розово-золотом сари звала маленького мальчика, убежавшего от нее в направлении музыканта с бонгами. Станция Таймс-сквер представляла собой лабиринт кафельных коридоров, туннелей и лестниц, уводивших меня с одного сумасшедшего уровня на другой. Мешанина знаков указывала всевозможные направления: Окраина, Центр, Бронкс, Бруклин, Восьмая авеню, 40-я улица...

Времени оставалось в обрез, так что я не стала рисковать с очередным поездом, а засунула потрепанную карту в сумочку и направилась к выходу на 42-ю улицу, где трезвонили сирены и воняло выхлопными газами. Я стояла у бордюра, в таком же ступоре, как и на станции, и все же преисполненная воодушевления. Как и этот город, я была жива и открыта новым возможностям и приключениям. Теперь могло случиться что угодно. Моя жизнь должна была вот-вот начаться.

Мне никогда еще не приходилось ловить такси, и поначалу я растерялась. Я могла только смотреть, как другие проделывают это – например, один бизнесмен, небрежно поднявший руку, выставив всего два пальца. Другой мужчина, с мешками под глазами, надувшимися, точно щеки, выкрикнул повелительным тоном: «Такси!», и такси пересекло две полосы и резко притормозило рядом с ним. Проще простого. Женщина позади меня взмахнула рукой, и такси возникло перед ней, как по мановению волшебной палочки. Я повторила за ней, робко подняв руку и неловко помахав пальцами. Два такси пронеслись мимо, словно меня не было, но третье, к счастью, остановилось. Я называла адрес, а водитель сигналил, продвигаясь рывками по запруженной дороге, каждый раз умудряясь не врезаться в машину перед нами. Позади нас тоже было такси, и вся эта желтая вереница еле ползла.

Я взглянула на часы на приборной панели.

– У меня встреча через двадцать минут, – сказала я водителю через мутное плексигласовое окошко. – Как думаете, успеем?

Он недовольно взглянул на меня в зеркальце.

– Могли бы пешочком, леди, – сказал он с сильным бруклинским акцентом.

Я откинулась на спинку и попыталась расслабиться, вцепившись в портфолио; это была самодельная папка из двух картонок, перетянутых черной лентой, между которыми я сложила свои фотографии, закрепленные на листах плотной бумаги. День был ясный, не по сезону теплый, и водитель открыл все окна. Я глубоко вдохнула, пытаюсь распознать ароматы, а потом поняла, что *не чувствую* травы, деревьев и дыхания открытых пространств. Воздух, загромаженный зданиями, казался застоявшимся, почти затхлым, при том что город пребывал в постоянном движении, сплошь задор и энергия.

На углу 47-й и Восьмой авеню я заметила на светофоре мужчину и женщину. Они напомнили мне парочки из фильмов. Мужчина был в темном костюме и шляпе «федора», заломленной набок, как у Синатры. А женщина – в безупречной юбке и жакете, перехваченном поясом.

Мужчина достал пачку сигарет из нагрудного кармана, предложил одну женщине и элегантно зажег обе. Над ними взвились клубы дыма, светофор переключился, и они пошли через дорогу. Я смотрела на них, пока они не растворились в толпе нью-йоркцев, и жалела, что не взяла фотоаппарат. В Огайо таких людей не увидишь.

Мое такси преодолело перекресток, и я с волнением подумала, что скоро стану одной из местных и буду целеустремленно шагать куда-то, с каждым шагом приближаясь к тому, зачем приехала сюда. И невольно вспомнила о маме. Я рассчитывала, что она будет со мной в Нью-Йорке, и меня не утешала мысль о ее незримом присутствии; *она по-прежнему присматривает за тобой.*

Сидя в такси, я крутила головой, стараясь ничего не упустить. Здесь за два квартала случалось больше интересного, чем во всем Янгстауне. Я подалась вперед, чтобы лучше рассмотреть гигантскую рекламу «Кэмел», с мужчиной, курившим сигарету, от которой поднимался настоящий дым. Вся Таймс-сквер сияла эмблемами: виски «Канадиан клаб», «Кока-кола», «Шевроле» и аппаратура «Адмирал телевижн». Даже в ярком свете дня киноафиши светились огнями, причем там были не только нормальные фильмы, но и пип-шоу с *совершенно голыми женщинами.* И снова я подумала про фотоаппарат. Я словно бы снимала все глазами.

Я приехала в Нью-Йорк, чтобы стать фотографом, несмотря на то, что отец, как и все прочие, включая издателя «Янгстаунского поборника», говорил мне, что это работа не для женщины. Одно дело увлекаться фотографией для себя, как моя мама, и совсем другое – быть профессиональным фотографом для газет и журналов. Даже не думай. Может, для маленького городка это и слишком, но уж точно не для Нью-Йорка. Чем чаще я слышала, что у меня ничего не выйдет, тем сильнее мне хотелось доказать, что они ошибаются. Это упрямство досталось мне от мамы.

Отец и его новая жена, Фэй, сказали, что не собираются оплачивать мою *розовую мечту*, поэтому я окончила курсы секретарей и за три месяца работы машинисткой на сталелитейном заводе скопила 375 долларов. Я понимала, что надолго мне их не хватит, что лишний раз подтвердил счетчик такси, насчитавший уже 90 центов. Мне срочно требовалась работа – *любая работа.* Я успела побывать на собеседованиях в бухгалтерской конторе, на такелажной фабрике и в страховом агентстве. И каждый раз вздыхала с облегчением, узнав, что меня не взяли.

В итоге, я решила обратиться к Элейн Слоун, маминой подруге – я с самого начала знала ее номер, но не решалась позвонить, то ли из скромности, то ли из гордости. Когда-то они с мамой мечтали стать моделями и жили вместе в Нью-Йорке, в отеле «Барбизон». Моя мама, при всей ее красоте, променяла свою мечту на жизнь провинциальной домохозяйки. А Элейн стала книжным редактором в издательстве «Бернард Гайс и партнеры». Я виделась с ней только раз, на маминых похоронах, и с тех пор мы изредка переписывались. Она предлагала в случае чего сразу обращаться к ней. Я подумала, что она, возможно, поможет мне найти работу фотографа или хотя бы пристроит в какое-нибудь издательство.

Офис издательства «Бернард Гайс и партнеры» располагался на Восточной 56-й улице, на сорок втором этаже; цветастую приемную украшал поп-арт и кресла-шары Ээро Аарнио, наводившие на мысль о лунной станции. В центре приемной высился шест, как в пожарном депо, поднимаясь через круглый проем в потолке на следующий этаж. Пока я представлялась секретарше, по шесту съехала женщина, сверкая голубыми подвязками, и аккуратно одернула юбку.

Вскоре открылась боковая дверь, и уже с достоинством появилась Элейн Слоун. Первое, что я – и, наверно, не я одна – отметила, это ее волосы. Каждая прядь переливалась серебристо-белым, отражая свет и акцентируя голубые глаза, которые, казалось, повидали больше, чем глаза ее ровесниц, при том, что она была явно моложе, чем предполагали преждевременно поседевшие волосы. Она напомнила мне маму, хотя внешне они не были похожи. Меня разыгрывало подсознание. Пусть мне уже исполнился двадцать один год, но я по-прежнему нужда-

лась в маме, а Элейн Слоун – ее лучшая подруга – соответствовала этому образу, как никто другой.

Она позвала меня в свой кабинет, из окна которого открывался впечатляющий вид на Манхэттен.

– Рассказывай, чем я могу помочь, – сказала она, предложив мне кресло напротив стола.

Поведав ей о безуспешных собеседованиях, я положила на стол свое портфолио.

– Но я на самом деле ищу работу фотографа.

– Понятно, – она подалась вперед, к моей папке. – Можно?

– Пожалуйста...

Я развязала ленту и молча смотрела, как она перебирает мои фотографии, задерживаясь на некоторых, но ничего не говоря. Она закрыла папку, не досмотрев.

Гордость моя была ущемлена, но я решила не показывать этого, чтобы не портить отношений.

Элейн улыбнулась и откинулась на спинку кресла, подвинув ко мне портфолио кончиками пальцев.

– У тебя меткий глаз, – сказала она из вежливости.

– Спасибо.

Я завязала ленту на папке и положила ее себе на колени, думая, насколько притязателен Нью-Йорк. В моем родном городке люди ценили мои фотографии, публиковали в школьной газете и альманахе. Но здесь мое творчество не сильно возвышалось над посредственностью.

– Что ж, – сказала Элейн, – у меня есть кое-что на примете, но это работа не для фотографа, – она нажала настольный интерком и сказала: – Соедините меня с Дэвидом Брауном, хорошо? – отпустив кнопку, она протянула руку к комоду позади стола и взяла голубую книгу. – Слышала о ней?

Я узнала «Секс и одинокую девушку» Хелен Гёрли Браун и мысленно перенеслась на ночной девичник в подвале у Эстер Файнберг, в старшей школе. Нас было четверо, и мы не спали полночи, читая по очереди эту книгу. Я помнила, как мы поражались отдельным местам, как визжали и хихикали, катаясь по кровати и зажимая рот подушкой. Я тогда не думала, что написанное имеет отношение ко мне, поскольку у меня был Майкл Сигал и мое будущее казалось решенным. А потом Майкл признался, что не готов жениться на мне, и я вернула ему кольцо его бабушки. На следующий день я пошла и купила себе «Секс и одинокую девушку» и прочитала от корки до корки. Несколько раз.

Вскоре секретарша ответила по интеркому:

– Мистер Браун готов говорить с вами.

– Лучше подступиться к Хелен через мужа, – сказала Элейн и, взяв трубку, развернулась в кресле к окну. – Привет, Дэвид, – она откинулась на спинку и рассмеялась; мне было видно, как она закинула на подоконник и скрестила ноги в туфлях «Гуччи» (я узнала соединенные буквы «G»). – Хелен еще не нашла секретаршу? О, хорошо. У меня есть одна девушка, она может подойти ей, – она оглянулась и подмигнула мне. – Ее зовут Элис Уайсс. Мне прислать ее? Окей, дай знать. Спасибо, Дэвид.

Она положила трубку, опустила ноги на пол и развернулась ко мне.

– Я понимаю, – сказала она, улыбаясь, – секретарша – это не фотограф. Но завтра у тебя с ней собеседование.

– С кем? Хелен Гёрли Браун?

Я ушам своим не верила. Хелен Гёрли Браун была знаменитостью. Именитым автором, регулярно выступавшим на радио и по телевизору, пусть даже такие ведущие, как Мерв Гриффин и Джек Паар не могли называть ее книгу в эфире.

– Дэвид мне потом перезвонит. Я сразу дам тебе знать. А пока...

Она нацарапала адрес в блокноте с монограммой, вырвала страницу и пододвинула мне по столу.

– Она пишет новую книгу?

– Вообще-то, нет. «Корпорация Хёрста» только что наняла ее на должность главного редактора журнала «Космополитен», – Элейн покачала головой, недоумевая. – Перед этим я слышала, Хёрст хотел закрывать «Космополитен». И тут вдруг они берут Хелен. Наверно, решили прибегнуть к последнему средству, чтобы спасти журнал. На Хёрста не похоже – давать такую должность женщине, и, честно говоря, мы все теряемся в догадках, как она ее получила. Уверена, не обошлось без Дэвида, ведь Хелен никогда не издавала журнал. Боже правый, да она и не работала в журнале, – Элейн рассмеялась абсурдности этой ситуации. – Но я работала с Хелен. Редактировала (не одна, конечно) эту книгу, – она постучала пальцем по «Сексу и одинокой девушке», лежавшей на столе. – И хоть я не во всем с ней согласна, я считаю, она молодец. И видит бог, дерзости ей не занимать.

* * *

Следующим утром я приехала в дом 224 на Западной 57-й. Я стояла в холле, ожидая лифта, когда рядом возникли две девушки. Они были примерно моих лет, и одна, с очень светлыми волосами, уложенными в шикарный пучок с начесом, нажала кнопку лифта второй раз, словно это могло ускорить его. На блондинке было цельнокроеное платье в треугольниках желто-зеленого цвета. Другая девушка, брюнетка, со стрижкой «пикси», носила висячие серьги, касавшиеся плеч, короткую юбку в красно-белую клетку и ботфорты. Рядом с ними мне казалось, что у меня на лбу написано «Огайо», хоть я и была в моем лучшем твидовом платье-футляре.

Мелодичный сигнал возвестил прибытие лифта, и мы стали подниматься. Девушки без умолку болтали, не глядя на меня. Мы все вышли на четвертом этаже, и я пошла за ними в офис «Космополитена». Они прошли дальше по коридору, и брюнетка обратила на меня внимание и оглянулась с равнодушным видом, не сбавляя шага. За стойкой никого не было, так что я стала ждать.

Офис, как ни странно, имел обшарпанный вид. Ковровая дорожка была протерта почти насквозь. Кожа на сиденьях стульев разошлась, и проглядывал белый наполнитель. Даже пластиковые растения на входе покрывала пыль, сообщая посетителям, что журнал не в почете у читающей публики.

За стойкой никто не появлялся. Чтобы скоротать время и успокоить нервы, я стала рассматривать обложки старых номеров, развешанные по всей стене в несуразных рамках. Кое-что меня удивило. Журнал «Космополитен», насколько я знала, печатал кулинарные рецепты и советы для домохозяек, но эта стена рассказывала другую историю. Я увидела плакетку с перечнем авторов, публиковавшихся в журнале аж с девятнадцатого века, и нашла там, в числе прочих, Марка Твена, Эдит Уортон и Киплинга. Среди обложек я отметила апрельский номер за 1939-й год с рассказом «Факты жизни» Сомерсета Моэма. А в мартовском номере за 1935-й имелась повесть Перл С. Бак, нобелевской лауреатки. И «Дары волхвов» О’Генри тоже были опубликованы в «Космополитене».

Я рассматривала обложку за 1906-й год, с индейским вождем на лошади, когда из-за угла появилась женщина, державшая на бедре ящик для бумаг с картотекой и фоторамкой сверху. На запястье у нее болталась сумочка.

– Извините, – сказала я, – мне нужна миссис Браун. У меня назначена встреча.

– Назад по коридору. Угловой кабинет.

Указав направление подбородком, она открыла дверь пятой точкой.

Я пошла по длинному коридору и оказалась в помещении с несколькими кабинетами, у дверей которых стояли столы. Приближаясь к кабинету нового главного редактора, я заметила, что стол перед ним пустовал: ни карандаша, ни скрепки, пепельница вымыта, а пишущая машинка накрыта крышкой.

Дверь была приоткрыта, я подошла ближе и впервые увидела Хелен Гёрли Браун. Она сидела на краю стола из красного дерева, казавшегося слишком большим для ее компактной фигурки. На ней было шифоновое платье цвета фуксии с глубоким овальным вырезом. Она говорила по телефону, и одна из ее золотых серег – позже я узнала, что это «Дэвид Уэбб», дороже тысячи долларов – лежала на пепельнице, вероятно, чтобы не задевать трубку. В реальности она показалась мне гораздо привлекательнее, чем на суперобложке своей книги. Автор «Секса и одинокой девушки» была полна самоиронии и называла себя серой мышкой, но женщина, которую я видела, не была похожа на простушку из деревни. Густая копна каштановых волос оттеняла ее точеные черты, в том числе нос, облагороженный, согласно книге, хорошим пластическим хирургом. Макияж ее, пусть плотный и яркий, был безупречен. Я никогда не видела, чтобы брови – предположим, даже нарисованные – вздымались такими идеальными арками, привлекая внимание к глазам, темным и загадочным, чуть грустным. Рядом стоял букет роз, их мягкий аромат смешивался с ее духами.

Я оглядела декор, оставшийся от ее предшественника: шторы в оранжево-коричневую полоску, тяжелые деревянные стулья, низкий комод и ворсистый ковер. Не считая громоздкой мебели, комната была пуста, как и пробковая доска с цветными канцелярскими кнопками, ожидающими своего часа.

Миссис Браун продолжала говорить по телефону, накручивая провод на тонкое запястье.

– Но, Дэвид, эта женщина даже не дала мне шанса. Я здесь только два дня – и уже успела стать ужасной начальницей? Я в первый день пригласила ее на ланч в «Дельмонико», как ты и советовал, но она сказала, что слишком занята. Очевидно, поисками другой работы.

Не желая подслушивать, я отошла от двери, но до меня все равно долетали обрывки разговора. Голос Хелен Гёрли Браун был спокойным, но выразительным и очень узнаваемым: мягким и оживленным, игривым, с придыханием, как у Мэрилин Монро, но чуть более сдержанным. Она едва открывала рот при разговоре, однако все ее слышали. Повсюду. По всей стране и миру.

Продолжая говорить по телефону, она обошла вокруг стола, и я увидела, что по одному ее чулку пошла стрелка, сзади, вдоль голени. Она опустила в кресло и оперлась локтями о стол, словно ее давило тяжелое бремя. Стиснув зубы, она сказала:

– Что мне делать без ведущего редактора, Дэвид? Кто мне его заменит? Я уже лишилась двух других редакторов. Они здесь мрут как мухи.

Закончив разговор, она тут же погрузилась в свои мысли, склонившись над ежедневником; она постукивала карандашом по столу и притопывала в такт по линолеуму. Когда я постучала о дверную стойку, она резко подняла на меня глаза, влажные от слез.

Прислонив раскрытую ладонь к груди, она сказала:

– Милочка, вы что, тоже уходите?

Я прокручивала в уме первые слова, которые скажу ей: «Это такая честь – познакомиться с вами», но ее слезы сбили меня с толку.

– Вообще-то, я пришла на собеседование. На должность вашей секретарши. Меня направила Элейн Слоун. Я Элис. Элис Уайсс.

– Ой, слава богу, – она сморгнула слезы, вставая из-за стола, и подскочила ко мне. – Элис Уайсс, как же я вам рада, – она вряд ли весила больше сотни фунтов¹, но, когда она схватила меня за руку и втащила в кабинет, мне показалось, что передо мной каратистка; не отпуская

¹ Примерно 45 кг. (Здесь и далее примеч. пер).

мою руку, она взглянула на меня большими карими глазами. – Силы небесные, ты такая... *молодая*. Я ожидала кого-то постарше.

Голос у нее был сдавленным от слез.

Я достала из сумочки бумажную салфетку вместе с моим резюме и протянула ей.

Она поблагодарила, промокнула глаза и предложила мне садиться, сразу приняв деловой вид.

– А ты лапочка, – сказала она, оживляясь. – Прекрасные волосы. У меня такие тонкие, череп просвечивает. Это парик, если что.

Она потянула себя за волосы, сдвинув их, как шапку. Я не знала, что сказать на это, так что сидела молча, пока она просматривала мои бумаги, периодически комментируя.

– Огайо, значит? Я сама из Арканзаса.

– Я знаю. Я читала вашу книгу.

Она улыбнулась, не поднимая глаз от резюме.

– Вижу, ты быстро печатаешь. Семьдесят пять слов в минуту. Это хорошо. Знаешь, я тоже была секретаршей. Страшно вспоминать, – она ехидно хохотнула, затем взяла серьгу, лежавшую на пепельнице, сдула с нее пепел и вставила в ухо. – Но хоть убей, не могла удержаться на такой работе. За пять лет секретаршей сменила семнадцать мест. Семнадцать – представь себе! – она перевернула мое резюме, словно ожидала увидеть там продолжение. – Боже, – она взглянула на меня, нахмурившись. – У тебя что же, совсем нет опыта работы в журнале, да?

Она наклонила голову набок и выпятила нижнюю губу – *бедная овечка*.

– Но я способная, – сказала я ей. – И не боюсь работы.

– Да я не сомневаюсь, милая, – она сложила ладони, словно для молитвы, и все ее браслеты дружно звякнули. – Но, понимаешь, когда Элейн рассказала о тебе Дэвиду, мы ожидали кого-то с большим опытом. Мне нужна секретарша, которая *знает* этот бизнес. Мне жаль, что ты зря проделала такой путь, – она встала и протянула мне руку. – Но я рада была познакомиться.

Мы пожали руки, я сказала «спасибо» и уже направилась к выходу, но что-то меня остановило. Мне ведь больше никогда не представится случай оказаться лицом к лицу с Хелен Гёрли Браун. Собеседование подошло к концу, и мне было нечего терять.

– Миссис Браун?

Она подняла взгляд от стола.

– Да?

– В вашей книге вы побуждаете одиноких девушек найти такую работу, которая будет – возможно, я перефразирую, но, в общем – «вашей любовью, вашей таблеткой счастья, вашим способом понять, кто вы есть и на что способны».

На ее губах обозначилась улыбка.

– Я бы сказала, это похоже на прямую цитату.

– Наверно, я надеялась, что работа на вас может стать моей таблеткой счастья.

Она отложила карандаш, глядя мне в глаза. Я почувствовала, что она заглядывает ко мне в душу, видит мои тайны, страхи. Она была цыганкой, а я – ее магическим кристаллом. Через секунду я заметила, что она слегка расслабилась, а лицо ее смягчилось.

– Иди-ка сюда, киса, – сказала она. – Садись, – я села на прежнее место, сжав колени и вцепившись в сумочку. – На этой работе нужно не только печатать и отвечать на звонки. Мне нужна боевая соратница. Тебе нужно уметь общаться с публикой. И это может значить никого не подпускать ко мне и говорить «пока-пока», – она игриво помахала пальцами. – Мне понадобится помощь с любыми делами, – она стала считать на пальцах. – С рабочим графиком, планированием поездок, встречами, где мне нужно будет, чтобы ты сидела и делала заметки. Будут письма от моих поклонниц, мои личные дела. Мне нужен будет человек, который сможет на раз-два спланировать званный вечер.

Я кивала, давая понять, что она меня не запугала, хотя, по правде говоря, это казалось чересчур.

– Мне тут достался жуткий кавардак, – продолжала она. – Нужно будет долго и серьезно напрягаться, чтобы развернуть этот корабль. От меня ожидают, что я преобразую «Космополитен», и что-то мне подсказывает, «Корпорация Хёрста» будет не в восторге от того, что я задумала. За каждый шаг придется сражаться. Ты к этому готова?

– Готова, – сказала я, не совсем понимая, почему я так цепляюсь за эту работу.

Да, я нуждалась в деньгах, хотя мы еще не касались моей зарплаты. И да, я успела побывать на кошмарных собеседованиях, но, самое главное, меня покорила харизма этой женщины, командовавшей парадом в полупустом кабинете. В тот момент я решила, что, если у меня появится малейший шанс, я сделаю все, что в моих силах, чтобы помочь ей. Я позабочусь, чтобы у Хелен Гёрли Браун было все необходимое: чашка кофе, заточенный карандаш или столик, забронированный в самом невозможном месте. Я буду ей верной помощницей.

– Что ж, – сказала она, – ты, надеюсь, понимаешь, что нам придется учиться этому бизнесу вместе.

– Это значит, я принята?

Из настольного интеркома раздался голос, прерываемый помехами.

– Миссис Браун? У меня на линии мистер Димс, хочет с вами говорить.

Хелен подняла палец, отложив решение моей судьбы. Она нахмурилась, и впервые стала выглядеть на свой возраст – я поняла, что ей действительно сорок три, никак не меньше. Затем она опять смягчилась, как в разговоре со мной, я увидела, что плечи ее расслабились, подбородок поднялся, и она опять сняла серьгу и стала поигрывать ей в руке, точно брелоком.

– А, Дик, привет, – сказала она, добавив радости в голос. – Да, я знаю, Бетти ушла. Вручила мне утром заявление об увольнении, – она прижала трубку плечом к уху, выронила серьгу и взяла карандаш обеими руками. – Да, я понимаю. Время – хуже не придумаешь.

Я слышала приглушенный голос Димса из трубки. Хелен передвинулась в кресле и так вцепилась в карандаш, что пальцы побелели.

– Вот что, Дик, – проворковала она, – ни к чему гробить себя работой. У нас есть время. Апрельский номер только вышел из печати, и, – она глубоко вдохнула, и карандаш начал гнуться, но голос ее оставался таким же спокойным. – У нас все будет хорошо, Дик. Правда. Между прочим, я уже прикидываю кое-кого на должность ведущего редактора, – я услышала мужской голос в трубке, на этот раз чуть громче. – Ну, – она мягко хохотнула и разломилла карандаш, – конечно, я собираюсь просмотреть сегодня графический план. Это моя приоритетная задача.

Миссис Браун взяла другой карандаш. Я подумала, что она его тоже сломает, но вместо этого она быстро написала что-то на листе бумаги и показала мне:

«Можешь выйти завтра?»

Едва закончив говорить по телефону, не выпуская из рук трубки, она повернулась ко мне.

– Ты вообще представляешь, что такое графический план?

Глава вторая

Обо мне никто бы не сказал, что все дается мне легко, но именно так я себя тогда чувствовала. Всего неделю в Нью-Йорке, и уже получила работу – у самой Хелен Гёрли Браун – с начальной зарплатой 75 долларов в неделю. Плюс к тому, у меня было жилье.

Я шла по улице, покачивая сумочкой и позвякивая ключами от моей новой квартиры, в приливе дурашливой гордости оттого, что сумела вернуться на 75-ю и Вторую авеню, не заблудившись. Я посчитала это маленькой победой после стольких дней бестолковых метаний по городу, когда я садилась не на те поезда и каталась между Ист- и Вест-Сайдом. Иногда мне казалось, что чем дольше я здесь нахожусь, тем больше становится город.

И вот я подошла к своему дому. На первом из четырех этажей была мясная лавка. Витрина зазывала покупателей: «*Свинные отбивные 55 центов, Фарш 39 центов, Ростбиф 65 центов*». По кирпичному фасаду избегала зигзагами чугунная пожарная лестница.

Квартиру я нашла на доске объявлений в одной кофейне, на второй день после приезда. «*Мебель частично. 110 долл. в месяц*». Домовладелец объяснил, что прежняя жилища, Ронда, неожиданно съехала, оставив свою кровать и другую мебель, и кое-что из одежды. Я нашла в шкафу несколько платьев, туфель и пару джинсов. А один из ящиков комода был забит свитерами и прочими тряпками.

Поднявшись на второй этаж, я наткнулась на соседку из квартиры 2R. Труды Льюис была миниатюрной рыжеватой блондинкой с веснушками. Веснушки покрывали даже ее бледные губы.

– Как охота за работой? – спросила она, открывая дверь.

Когда я сказала, что устроилась секретаршей Хелен Гёрли Браун, Труды застыла от изумления.

– Да это же фантастика. Надо отметить. Стой на месте. Не двигайся.

Я стояла в коридоре, а она юркнула к себе и вернулась с бутылкой шампанского «Грейт вестерн».

– Приберегала для особого случая, – сказала она, входя ко мне.

Моя квартира, под номером 2F, представляла собой крохотную «студию», хотя я бы назвала ее дырой. Входная дверь покорибилась, окна до конца не закрывались, а пол был неровным, так что мелкие вещи иногда скатывались со стола и тумбочки. В ванной со стен отваливалась плитка, и пара штук прыгнула ко мне в воду ласточкой, пока я принимала ванну тем утром.

– Ну, давай, рассказывай все, – сказала она, выстрелив пробкой через всю комнату. – Какая она? Красивая? Во что одета? Высокая?

Я удовлетворяла любопытство Труды, пока она наполняла наши бокалы и поднимала тосты за мою работу. Мне нравилось ее воодушевление. Если бы не Труды, заглянувшая ко мне познакомиться в первый день, как я вселилась, я была бы совершенно одна в городе. Труды, как и я, приехала со Среднего запада, из пригорода Сент-Луиса, но, в отличие от меня, казалась такой устроенной, словно деревце, давно пустившее корни в Нью-Йорке. Я жаждала однообразия, какой-то стабильности. Мне не терпелось назвать Манхэттен своим домом.

– А симпатичных мужчин в этой конторе много? – спросила она, плюхнувшись рядом со мной на диван и отпивая шампанское.

– Я особо не заметила подходящих мужчин, но женщины там одеты с иголочки. Вид у них такой, словно они работают в «Вог» или «Мадмуазель», – я подождала, пока Труды снова наполнила нам бокалы. – Мне понадобится целый новый гардероб, чтобы там работать, – я отпила глоток, и пузырьки зашипели у меня на языке. – Я и так пришла на собеседование в лучшем платье, – я указала на свою одежду. – Ума не приложу, что надеть завтра.

– Ну, это мы придумаем, – сказала Труды и, спрыгнув с дивана, подошла к шкафу и стала двигать туда-сюда вешалки. – А как насчет этого?

Она изогнулась, приложив к себе синюю сорочку с белым бантом.

– Это, наверно, платье Ронды, – сказала я.

– Было. А теперь – твое.

Я пошла в ванную и натянула платье Ронды.

– Ну как? – я открыла дверь и встала, руки по швам.

– Длинновато, – сказала Труды, касаясь юбки. – Но мы можем подвернуть лентой и булавами. О, и я могу дать тебе сумочку. В самый раз к такому. Какой у тебя размер обуви?

– Седьмой. Или седьмой с половиной.

– Бинго! – Труды выудила из шкафа и вручила мне пару стильных туфель. – Примерь.

Я не без труда влезла в трехдоймовые шпильки Ронды.

Когда Труды собралась налить мне третий бокал, я накрыла его ладонью.

– Лучше не надо.

– Да, согласна. Ты же не намерена явиться с похмелья в первый рабочий день? Ну а я еще выпью, – сказала она, налив себе бокал до краев.

Труды ушла в десятом часу, и я осталась одна в незнакомой квартире, в городе, о котором всю жизнь слышала и мечтала.

Хотя это совсем не походило на те гламурные картины, что я себе воображала. У меня не было прекрасных апартаментов на Парк-авеню с террасой, открывавшейся на город. И нет, я не ухватила денежную работу фотографа. Но, за вычетом издержек, я все же перебралась в Нью-Йорк и строила свою новую жизнь. Сколько я себя помнила, меня всегда манили шарм и изысканность этого города, отчего мои грубые огайские корни внушали мне чувство неполноценности, недостатка, который нужно исправить. Пришло время оставить провинциальные привычки и перестать тарашиться кругом, как деревенщина; только, как ни странно, решив сбросить свою старую личину, я почувствовала необъяснимую грусть. Мной овладело чувство пустоты и сентиментальности.

Мне захотелось позвонить отцу, но я подумала, что он уже спит, а мне не хотелось, чтобы трубку взяла его жена. Я знала, что отец считает, будто я уехала из-за нее, но Фэй здесь была не при чем. Вот Майкл сыграл в этом роль, но на самом деле я уехала из-за мамы.

Восемь лет назад, перед самой ее смертью, мама убедила отца, что пришло время начать новую жизнь в Нью-Йорке. Отцу предложили работу с зарплатой вдвое больше той, что он получал на сталелитейном заводе. Он уже подписал договор аренды на довоенный дом в классическом стиле с пятью комнатами, в верхнем Вест-Сайде, а у нас во дворе появилась табличка «Продается». Был июнь. Начались каникулы, и я планировала поступать той осенью в среднюю школу на Манхэттене. Я сидела на крыльце, плела фенечку, прощальный подарок для лучшей подружки Эстер, когда зазвонил телефон. Тот звонок изменил все. Навсегда.

Случилась авария. Машина выскочила на красный свет на перекрестке Макгаффи-Джей-кобс. Мамин «крайслер» перевернулся, с летальным исходом. Отцу нужно было опознать тело.

Переезд в Нью-Йорк, о котором мечтала мама, кончился там же. Дом в классическом стиле был сдан другой семье, наш дом в Янгстауне был снят с продажи, отец отказался в письменном виде от новой работы, а фенечка для Эстер осталась лежать на крыльце, и ее, наверное, сдуло ветром или кто-нибудь случайно столкнул в цветы, и больше я ее не видела.

Отца никогда не прельщал Нью-Йорк, но я ухватила за мамину мечту. Я всегда знала, что когда-нибудь буду жить на Манхэттене. Так же твердо, как левша знает, что он левша. Я обожала этот город, и, как почти во всех подобных случаях, мое обожание раздувалось воображением. На самом деле, все, что я знала о Нью-Йорке до того, как приехала сюда, было взято из книг, фильмов и бесконечных рассказов мамы. Я помнила, как она присаживалась на край моей постели или вставала у меня за спиной, пока я расчесывала волосы перед зеркалом,

и рассказывала о Кони-Айленде, и как она там влюбилась в моего отца. Рассказывала о роскошных апартаментах на Парк-авеню, где жила девушка, с которой она познакомилась в отеле «Барбизон», студентка престижного колледжа. Попав к ней в гости, мама хлопала глазами на все подряд: от портье в белых перчатках, называвшего ее *мисс*, до лифта с золотой отделкой и мраморных коридоров. Она поклялась, что однажды будет там жить. Она рассказывала мне о зданиях, поднимавшихся в облака, о каретах, катавших тебя по парку, о музеях и магазинах, в которых есть все, что только можно представить. Первокласная еда, первокласные шоу, все первокласное. Она родилась и выросла недалеко от Нью-Йорка, в Стэмфорде, штат Коннектикут, и при любой возможности выбиралась на Манхэттен. В девятнадцать лет она переехала в Нью-Йорк, к неудовольствию родителей. Мама обожала Нью-Йорк и всю жизнь пыталась вернуться сюда.

Я переехала в Нью-Йорк, чтобы исполнить ее мечту. И свою. Что бы могло ждать меня в Янгстауне? Мы с Эстер отделились друг от друга, и я поняла, что сама виновата. Я стала реже ей звонить, не посвящала ее в мои планы, как раньше. Моей надеждой, моим героем, центром моего мира стал Майкл. С ним не мог сравниться ни один парень из местных. Мне не хотелось тихой гавани – ни в жизни, ни в любви, ни в чем.

Время было позднее, а назавтра меня ждал большой день, но я понимала, что не смогу заснуть. Я еще не купила ни занавесок, ни штор, и уличные огни проникали в комнату, вместе с дорожным шумом, перемежаемым сиренами со Второй авеню.

Я решила заварить чай на крохотной кухоньке. Мама всегда заваривала чай, когда ей не спалось. Это казалось правильным. Я налила в чайник воды из крана и зажгла спичкой конфорку. Я предполагала, что, попав в Нью-Йорк, мамин город, буду скучать по ней еще сильнее, но не догадывалась, как сильно это будет давить на меня. Той ночью на меня нахлынула ностальгия, мне очень не хватало мамы.

Не считая портфолио, я взяла с собой из дома только две более-менее ценные вещи. Одна из них была маминим фотоаппаратом, «Лейка 3С Молли». Он стоял на книжном шкафу, в коричневом кожаном футляре с потертými углами, с эмблемой фирмы на выпуклой части. Я взяла фотоаппарат и немного подержала на коленях, а затем положила обратно и потянулась за другой ценной вещью из дома, потрепанным фотоальбомом.

Мама завела этот альбом, когда я была совсем маленькой. Фотографом она была неважным, но убежденно документировала каждый шаг в моем развитии, пока мне не исполнилось тринадцать. После ее смерти я нашла этот фотоаппарат и решила продолжить фотоальбом, снимая все, что казалось мне интересным. По пути из Янгстауна альбом помялся, отдельные фотографии отклеились. Альбом и без того был старый, страницы деформировались и пожелтели по краям.

Чайник засвистел, я подошла к плите, налила себе чашку и вернулась на диван, листать альбом, как делала уже миллион раз. На первой странице была черно-белая фотография, на которой я лежала на одеяле, а внизу стояла подпись: «*Элис впервые дома. 2 фев. 1944*». На следующем фото я лежала в ванночке, мои намыленные темные волосы завивались, как у тролля, а внизу было написано: «*Первая ванна Элис. 3 фев. 1944*». Мамин почерк всегда волновал меня. Дальше были фотографии «*первых шагов Эли, первого дня рождения, первой стрижки, первого дня в школе*» и т. д. Я так погрузилась в альбом, что чай совсем остыл, а я к нему и не притронулась.

Перевернув последнюю страницу, я закрыла обложку и провела пальцами по имени *Элис*, которое вышила мама. А ведь она не была типичной домохозяйкой, не выпускавшей из рук нитку с иголкой. Вовсе нет. Все в ней было нетипично. Я слышала, как о ней говорили «*мужской породы*», имея в виду, что она лучше чувствует себя в компании мужей ее подруг. Она всегда была подтянутой, играла в теннис и плавала. Она и в гольф играла, даже получше отца, который увлекся этим спортом только затем, чтобы развлекать клиентов на ипподроме. В конце

концов, мама заняла место отца в игре «два на два», возмущив других домохозяек. Она играла и в бильярд, и в покер – не хуже любого шулера. Вот, *пела* она ужасно, но это ее не останавливало. Она всякий раз подпевала радио. Особенно в машине, с опущенными стеклами, а ветер трепал ее темные волосы. Знала она слова и мелодию или нет, значения не имело – она пела совершенно самозабвенно. Я до сих пор думаю, какая песня звучала по радио, когда она попала в аварию. Пела ли она в тот момент, когда в нее влетела другая машина, несущаяся на красный свет?

Мне ужасно не хватало ее, как и тех вещей, которые уже никогда не будут прежними. Когда мама умерла, она столько всего забрала с собой, столько такого, чего мне уже никогда не вернуть. Я понимала, что никогда не смогу найти эти обрывки прошлого, но вот же – я приехала в Нью-Йорк и продолжала их искать.

Глава третья

Работать на Хелен Гёрли Браун было все равно что идти по встречной полосе. Следующим утром, пройдя по коридору и завернув за угол, я увидела, что телефоны на моем столе мигают. Миссис Браун уже была у себя в кабинете, элегантно сидя на столе, спиной к окну, в которое заглядывало солнце. Несмотря на миниатюрную комплекцию, она производила впечатление. Я заметила чулки в сетку, обтягивавшие ее стройные ноги, и короткую юбку леопардовой расцветки, открывавшую не меньше шести дюймов ее бедер.

Я думала, что она одна, но она позировала фотографу. Она улыбалась ему, а он щелкал фотоаппаратом. Один аппарат был закреплен на штативе, другой фотограф держал в руке и двигался как танцор, с текучей грацией, то приседая, то поднимаясь в полный рост.

Начинающий фотограф во мне был заворожен, но телефоны требовали моего внимания. Начался мой первый день. Я ответила на два звонка, даже не успев присесть. Держа в одной руке трубку, а в другой сумочку, я увидела третий вызов. Звонил репортер из «Ньюсуика», насчет интервью с новым главным редактором. Только я объяснила, что миссис Браун занята и сказала, что все ей передам, как замигал новый вызов. Звонил литагент Нормана Мейлера, выяснить насчет статьи, которую заказал предшественник Хелен. После этого позвонил некто от имени Лорен «Бетти» Бэколл. Все происходило с такой скоростью, что ни нервничать, ни обалдевать было некогда, но, боже правый, я была поражена. Я подумала, что после работы буду щипать себя, чтобы проверить, не сон ли это. Но пока я положила трубку и не смела отпустить ее. Я встала, ожидая, что сейчас замигает очередной вызов. Прошло десять, пятнадцать, двадцать, тридцать секунд. Ничего. Передышка. Я запихнула сумочку в пустой нижний ящик стола и пошла искать кофе.

Выглянув в коридор, я увидела трех молодых женщин, вероятно, тоже секретарш, стоявших группкой, шушукаясь о чем-то, пока их внимание не привлек проходивший мимо молодой человек. Они прервали разговор, приосанились и заулыбались.

– Доброе утро, мистер Мастерсон, – сказали они в один голос.

Мистер Мастерсон ответил им «добрый день, дамы» и приподнял шляпу, явив густую темную шевелюру. Всем своим видом он воплощал типичного молодого предпринимателя, которого ты ожидаешь встретить в шумном офисе на Манхэттене: темный костюм и галстук, нагрудный платок, в одной руке кожаный кейс, через другую перекинут плащ, вероятно «Барберри». Спеша на работу в тот день, я видела сотни таких же мужчин, но этот, похоже, был каким-то особенным, судя по реакции девушек. Они продолжили разговор не раньше, чем он скрылся за углом. Позже в тот день я заглянула в список сотрудников, нашла там мистера Мастерсона и узнала, что его зовут Эрик.

Проходя по коридору мимо закрытых дверей, я слышала гудение и клацанье «Селектрика», а также мелодичные звонки лифта, доставлявшего новых сотрудников. В воздухе пахло сигаретами, трубочным табаком и варящимся кофе. Словно ищейка, я шла на запах, пока не заметила нескольких женщин, собравшихся в кухне-столовой. Там были две девушки, которых я уже видела – стриженная и с пучком (пучок был собран в сетку) – и еще две брюнетки с одинаковыми стрижками. И одна девушка, с угольно-черными волосами, зачесанными назад, такая бледная, что кожа отдавала в синеву.

Стриженная читала статью в «Тайм».

– *О хоспаде*, – простонала она. – Только послушайте: «Журнал пузырится энтузиазмом по поводу своего нового главного редактора, даже при том, что у нее нет издательского опыта».

– *Пузырится энтузиазмом*, – сказала одна брюнетка. – Что за жуткая пошлятина. И видели бы вы ее на этой фотке.

– Готова спорить, она будет крутить парик, когда это увидит, – сказала стриженная. – Серьезно.

Они с пучком разразились смехом, словно не слышали ничего остроумнее.

Стриженую звали Марго Хенли, а пучок – Бриджет Грэйсон. В обед они, вместе с другими девушками, взяли меня с собой. Мы пошли в закусочную на 56-й, между Бродвеем и Восьмой авеню, с порванным навесом в бело-зеленую полоску. У входа стоял автомат с круглыми жвачками, пахло жареным луком. Там былолюдно и шумно. Мы сели за шатающийся столик у задней стены, и нам всем приходилось удерживать его локтями. Я заказала клубный сэндвич, нарезанный треугольничками, припиленными зубочистками с красными целлофановыми бантиками.

– Ну, так, – сказала Марго, повернувшись ко мне, – она сказала что-нибудь о том, кого хочет взять на должность нового ведущего редактора? Она уже до черта времени с этим тянет.

У нее был сильный бронкский выговор.

– Я знаю, что Харриет Лабарр отклонила предложение, – сказала Бриджет, нахмурившись. – Как и Билл Гай.

– Чем вообще она думала, обращаясь к ним? – сказала Марго, помешивая стаканчик трубочкой. – Билл Гай редактирует художку, а Харриет – редактор моды.

– Она уже не знает, за кого хвататься, – сказала Пенни, брюнетка с короткой стрижкой и перламутровой помадой. – Эту должность она предлагала фактически всем, кроме вахтерши.

Я промокнула рот салфеткой и сказала:

– Я не понимаю, почему они отказались. Вроде бы, такое повышение никому не мешает.

– Ой, да брось, – сказала Марго, вставляя соломинку в банку газировки. – С какой стати они будут работать *под ней*? Они не хотят продвигать ее образ современной женщины.

– Черт, а я бы согласилась, – сказала Бриджет. – Представьте только, *какая* там зарплата.

– Суть в том, – продолжала Марго, – что Хелен Гёрли Браун совсем не просекает эту тему. Она и думать не хочет о равных окладах для женщин. Или о нашей дискриминации на работе.

– Если хотите мое мнение, – сказала Лесли, черноволосая девушка, – «Секс и одинокая девушка» унизительна. Курс, как заарканить мужика.

– Именно, – сказала Пенни.

– Погоди... Что плохого в том, чтобы заарканить мужика? – спросила Бриджет. – Мне эта книга не показалась унизительной.

– Да ладно, – Марго глянула на Бриджет с неодобрением. – Вся книга о том, как ублажать мужчин. Как насчет того, чтобы мужчины ублажали женщин, для разнообразия? Послушать Хелен Гёрли Браун, так нам всем надо одеваться, как старлетки, чтобы мужчины нас хотели.

Марго была по-своему права, но не во всем. Мне хотелось высказаться, но я была новенькой и решила придержать язык, хотя и понимала, что Хелен желала для женщин большего, чем сделать их старлетками.

– И, знаете, – сказала Лесли, – все, чего она хочет, это превратить эту ее книжку в журнал.

– Я слышала, она планирует всех поувольнять и набрать своих людей, – сказала Пенни.

– Я тоже слышала, – сказала Лесли. – Поэтому все и уходят.

– Да брось, – сказала Бриджет, – я думаю, все должны хотя бы дать ей шанс.

– С чего бы, – сказала Марго. – Ни один уважающий себя журналист не хочет иметь дело с «Космополитеном» Хелен Гёрли Браун. Она сказала Лиз Смит, что носит лифчик с подкладками. Кем надо быть, чтобы сказать такое?

Пенни закатила глаза и сказала:

– Я удивлюсь, если «Космополитен» продержится еще полгода.

* * *

В первый день я узнала, что журнальный мир работает на три месяца вперед. Поэтому, хотя была еще середина марта, майский номер уже отправился в печать. Я была в кабинете Хелен, после обеда, когда Джордж Уолш, книжный редактор, высокий долговязый тип с бабочкой и подтяжками, принес верстку. На обложке красовалась Барбра Стрейзанд, уперев руки в бедра и поставив одну ногу на кушетку. Рядом с ней пестрели так называемые «горячие темы»: «Когда дантиста не найти» и «Брючки для русалки».

Хелен сидела за столом, сняв туфли «Феррагамо» и подвернув под себя ногу, и просматривала верстку, хмурясь все больше с каждой новой страницей.

– По-видимому, номер будет весьма постный, – сказал Джордж, отодвигая стул, вероятно, собираясь начать долгий разговор. – Забегая вперед, мне бы хотелось расширить книжный раздел.

Едва Джордж уселся, закинув ногу на ногу, Хелен бросила верстку на пол. Она приземлилась обложкой вниз, раскрывшись на развороте с рекламой страховой компании и статьей по ортопедии.

– Что ж, хорошо, – сказал Джордж, вставая. – Обсудим книжный раздел в другой раз.

Он кивнул, поставил стул на место, пригладил жидкие набриолиненные волосы и выскользнул за дверь.

Хелен обмякла, опустила ногу на пол и застонала в сложенные руки.

– Элис, будь добра, соедини меня с Дэвидом.

Через пару минут, пытаясь вызвонить ее мужа, я подняла взгляд и заметила, что кто-то приближается по коридору, а секретарши спешат за свои столы, изображая работу. Кто бы это ни был, выглядел он, как политик: в темном костюме и при галстуке, с зачесанным назад седыми волосами. Я уловила его лосьон после бритья – «Брют» – и увидела, как его начищенные туфли отражают верхний свет. Только услышав, как к нему обращается по имени кто-то из редакторов, я поняла, что это Ричард Берлин. Большой босс. Президент «Корпорации Хёрста». Он решил выбраться из своего шикарного офиса в штаб-квартире Хёрста через несколько кварталов от нас и прошвырнуться по коридорам «Космополитена».

– Хелен, – позвал он за пару ярдов до двери.

– О, Ричард, это вы? Заходите, – сказала она. – Элис, дорогая, проводи мистера Берлина.

– Нам нужно поговорить, Хелен.

Он уже сам открыл дверь, пока я успела выскочить из-за стола.

– Как хорошо, что вы к нам заглянули.

Она улыбалась, как радушная хозяйка сельского клуба. Она собиралась встать из-за стола, но он выставил руку, велел ей сидеть. К моему удивлению, она послушалась, воззрившись на него снизу вверх.

– Доход от рекламы падает, – сказал он. – За май у нас была двадцать одна страница рекламы. Ага. Так что я очень переживаю насчет июньского номера.

Хелен прижала к сердцу раскрытую ладонь.

– Июньского? О, даже не волнуйтесь. О чем надо переживать, так это вот, – она взяла майскую верстку, точно щенка за шкуру. – Нам нужно внести серьезные изменения, иначе июньский номер будет не лучше.

– И какие изменения вы предлагаете?

– Прежде всего, нужно урезать эссе Гора Видала.

– Урезать Гора Видала?

– Я *видала* и получше. И, между прочим, я знаю, что вы обещали Рексу Риду, что он будет новым кинокритиком, но его последний обзор – это просто кошмар. Боюсь, Рекс со своей слюнявой лажей нам не подходит.

– Слюнявой лажей? – я не ожидала, что он это повторит; в устах Хелен это прозвучало дурашливо, но у него вышло грубо. – Значит, вы хотите урезать эссе Видала *и* уволить Рекса Рида?

– Для начала.

– Ерунда какая-то. У этого журнала есть стандарты, и их надо придерживаться. Я не собираюсь рисковать репутацией и...

Она залиvisto рассмеялась.

– О, Ричард, – посмеиваясь над ним, она встала и элегантно вышла из-за стола. – Доверьтесь мне. У меня самые радужные планы насчет журнала.

– Именно этого я и боюсь.

Она улыбнулась, склонив голову, словно говоря: «*Ах ты глупыш!*».

– Мне кажется забавным, что вы так нервничаете оттого, что *женский* журнал издает женщина.

И хотя Берлин не видел в этом ничего забавного, она продолжала что-то говорить, выводя его из кабинета. Я с восхищением смотрела, как ловко она от него отделалась, проводив до коридора, все так же щебеча.

– Ну разве не забавно, Ричард? Волноваться о том, что женщина издает женский журнал...

Проводив его, она вернулась; весь ее задор улетучился, плечи поникли, голова опущена. Не скрывая обиды, она прошла в свой кабинет и закрыла дверь. Я увидела, что на моем телефоне замигала и погасла ее линия. Кому бы она ни пыталась звонить, номер был занят. Вскоре я услышала ее рыдания.

* * *

Придя домой в тот вечер, я стояла на кухоньке, подпирая стену, на которой висел телефон. Я жевала один за другим крекеры и консервированные сардины, купленные в бакалейной лавке за углом. И смотрела на часы над плитой, ожидая восьми вечера, когда тариф на межгород снижался, чтобы позвонить отцу.

Подошла Фэй, и мне захотелось повесить трубку. Я никогда не знала, что ей сказать. Сразу возникала дурацкая натянутость. Я понимала, что отец с ней счастлив, и не хотела, чтобы он был один, но тем не менее... Полтора года назад, когда он познакомил нас, Фэй была не в меру вежлива, а я чересчур груба и отвечала на ее бесконечные расспросы с показным безразличием: *да, нет, без разницы*. Потом я сама стыдилась своего поведения. Я уже была не маленькой, но меня как будто распирало. На самом деле, Фэй была само очарование. Недостаток у нее был один – что она не моя мама. И с этим ни я, ни она ничего не могли поделать.

– Примите звонок от Эли, – сказала телефонистка. – Вы согласны оплатить звонок?

Я всадила вилку в сардину, ожидая решения.

– Да, милочка, согласна, – Фэй прикрыла трубку, и я услышала, как она зовет отца приглушенным голосом: – Герб? Герберт? Подойди к телефону. Это Эли.

Меня покорило, когда она назвала меня так. Для нее я была не Эли, а Элис. Я слушала, как они бормочут что-то друг другу. Я представляла, как они стоят на кухне, у телефона на стойке, рядом с новой плитой цвета авокадо, которая понадобилась Фэй, поскольку мамина голубая плита не сочеталась с остальной техникой.

Наконец, отец взял трубку.

– Эли? Эли, милая, как ты там?

– Привет, пап. Хотела тебе сказать, что получила работу. В журнале. Уже начала.

Я отметила, что тараторю, словно пытаюсь как можно быстрее втиснуть побольше информации. Я не была уверена, почему так делаю: чтобы сэкономить время – как экономишь слова в телеграмме – или в те дни мне просто было неловко общаться с отцом.

– Ну, хорошо. Рад за тебя. Так, это значит, ты теперь останешься в Нью-Йорке, а?

– Да.

«Разумеется, останусь. Для этого я сюда и приехала».

В трубке стало тихо. Я знала, что отец, если бы не Фэй, задал мне миллион вопросов: *Что за журнал? Какая зарплата? Где это находится? Как тебе коллектив?* Но правда и то, что его дочь, какой она была до его женитьбы на Фэй, никогда не стала бы ждать два дня, прежде чем поделиться с ним хорошей новостью.

– Пап? Ты еще там?

– Да, да, я тут.

– Элейн Слоун – мамина подруга – помнишь ее? Она помогла мне устроиться.

– О, – похоже, он был удивлен. – Так... э-э... ты с ней общаешься?

– Она очень приятная.

– Хм...

Я положила в рот крекер и ждала, пока он размякнет на языке. Отец помолчал еще на пятьдесят центов, а потом сменил тему. Прокашлявшись, он спросил полупрошептом:

– Как у тебя с финансами?

Мне показалось, что он не хотел, чтобы Фэй слышала этот вопрос.

– Я в порядке. Скоро мне заплатят.

Я съехала спиной по стене на пол – провода, к счастью, хватало. В трубке снова стало тихо. На этот раз я решила, что связь прервалась.

– Пап?

Я услышала голос Фэй на заднем плане, но слов не разобрала.

– А, подожди-ка, Эли. Что...

Он накрыл трубку и сказал что-то жене. Я притопывала ногой и барабанила пальцами свободной руки по паркетному полу.

– Что ж, – сказал он, наконец, – поговорим подольше в воскресенье, ага? Когда тариф дешевле.

Когда он закончил разговор, я осталась сидеть на полу, прислонившись к стене, продолжая держать трубку и слушая, как по всей квартире разносятся монотонные гудки.

Глава четвертая

Под конец моей первой недели мы с Хелен принялись преображать ее кабинет. Она верила во взаимосвязь между правильной рабочей обстановкой и продуктивностью. Позже она собиралась заняться и вестибюлем, но первым делом нужно было очистить кабинет от всяких следов ее предшественника и переделать по-новому, иначе она не сможет полностью сосредоточиться.

Так что исчезли ворсистый оранжевый ковер, тяжелая мебель и полосатые шторы, зато появились нежно-розовые обои и цветастые портьеры, а также плюшевый ковер оттенка сахарной ваты. И, хотя это не совсем сочеталось с розовой гаммой, она не устояла против настольных приборов леопардовой расцветки и подушек для новой софы с тем же орнаментом, что и оконные шторы. Добавился и новый туалетный столик, однако Хелен вела дела, сидя в креслице, которое смотрелось бы уместнее в кукольном домике, чем в кабинете начальника.

Когда я об этом спросила, она сказала:

– Ты понимаешь, очень важно, чтобы всякий, кто ко мне придет, чувствовал себя крупнее меня, – я рассмеялась, потому что почти все и так были крупнее Хелен. – Их ничто не должно подавлять. Когда они выйдут из моего кабинета, им надо считать, что все, о чем мы тут договорились, было, в первую очередь, их идеей, – сказала она с лукавой улыбкой.

Потратив столько времени на украшение ее кабинета, я обнаружила, что забросила свою основную работу. «Бернард Гайс и партнеры» начали пересылать в офис почту Хелен, тысячи писем в буро-серых почтовых мешках с грубыми веревками и металлическими стропами.

Что касалось писем от поклонниц, Хелен на них отвечала сама. К тому же, ей приходилось писать всевозможные благодарности за приглашения на ужины и обеды, и всем, кто присылал ей цветы и заносил вкусности и сладости, которых она, конечно, не ела. Главное, чтобы ни единый знак признательности не остался без благодарственной записки. Я совершенно не могла понять, как она находила время, но каждое утро меня ожидала свежая кипа написанных от руки записок и писем на ее розовом комодике (все адресованы и проштампованы розовой печатью с ее монограммой), которые мне нужно было отнести курьерам.

Приходила почта и другого рода – от злопыхателей. Ее Хелен оставляла на мое усмотрение. Она не желала иметь дела с *«непрошеными затычками»*. Честно сказать, я удивлялась объему таких писем. У меня в голове не укладывалось, как столько человек не жалели времени, чтобы распекать ее, обвинять в аморальности и развращении невинных девушек. Я прочитала письмо от одной матери, обнаружившей в столе у дочери «Секс и одинокую девушку».

«Ей пятнадцать лет, а вы добились того, что она красится и пихает в лифчик бумагу».

Я не знала, что на такое ответить, поэтому просто отложила в сторону и принялась за рекомендательное письмо первого нового кандидата в редакторы Хелен. Некто Уолтер Мид претендовал на освободившуюся должность редактора статей. Когда-то он работал рекламным агентом, возглавлял отдел подготовки текстов в рекламном агентстве «ББДО» и, как и Хелен, ничего не смыслил в журналах. Но, как почти у каждого рекламщика с Мэдисон-авеню, у Мида в долгом ящике лежал роман. Несколько рассказов он сумел продать Биллу Гаю – этим он, в первую очередь, и привлек внимание Хелен.

Коротко говоря, Уолтер Мид был мужчина хоть куда. Высокий брюнет, стройный, темноглазый, с ямочками на щеках и улыбкой, словно для рекламы зубной пасты. Когда он выходил из кабинета Хелен, ей было достаточно одного взгляда на меня, чтобы прошептать:

– Забудь, дорогуша. Он голубой.

Я вставила бумагу в пишущую машинку, повернула валик и заскользила пальцами по клавишам. Закончив с письмом Мида, я подняла взгляд от стола и увидела, что почти все уже разошлись. Настольные лампы были выключены, машинки – накрыты, на спинках стульев –

ни одного свитера. Был вечер пятницы, и все спешили на выходные. Даже Хелен собралась уходить.

– Чао-какао, – сказала она, защелкивая свою плетеную сумочку. – Отчаливаю встречаться с Дэвидом в «Треjder Вик». Не засиживайся допоздна. Кстати, давно хотела сказать: замечательный у тебя лак. Весь день восхищаюсь.

– Спасибо, – сказала я, слегка озадаченная, и опустила взгляд на свои ногти.

Самый обычный розовый лак.

Хелен улыбнулась и зашагала по коридору в оранжевом платье от «Руди Гернрайха» и цветочной косынке, концы которой спадали вдоль шеи. Дойдя до конца коридора, она обернулась и сказала мне:

– Чудесных выходных, киса.

Я никого по-настоящему не знала в городе, да и сам город тоже, так что все мои планы на выходные сводились к прогулке с Труди в воскресенье, поэтому я предпочитала засиживаться на работе.

Я взялась печатать записку Хелен Айре Лансингу, начальнику отдела реализации и рекламы «Космополитена»: *«Я бы хотела видеть большие рекламы женской продукции. Как у нас дела с „Мэйбеллин“, „Ревлон“, „Макс Фактор“, „Мидол“ и „Котекс“?»* Она писала, что волнуется насчет отдельных клиентов «Проктер и Гэмбл»: *«Вы же согласны, Айра, что „Криско“, „Оксидол”² и туалетная бумага „Шармин“ – это не сексуально...»*

Закончив печатать, я услышала, что кто-то разговаривает в коридоре, и подняла взгляд. В дверях кабинета Билла Гая стоял Эрик Мастерсон. Я видела его на этаже несколько раз за эту неделю, вместе с Диком Димсом. Кое-кто из девушек говорил, что Эрик – самый молодой управленец Хёрста за всю историю.

Я вернулась к записке, проверить, все ли в порядке, чтобы первым делом заняться ею в понедельник с утра. Периодически я поглядывала в коридор, убеждаясь, что Эрик все еще там, стоит, касаясь стены у кабинета Билла Гая – без обручального кольца – галстук свободно висит. Разделавшись с запиской, я решила разобраться с горой злопыхательских писем. Первое письмо было от некой Гретхен Хиллс из Индианаполиса, которая вняла совету Хелен, сделала пластику носа и теперь не могла дышать одной ноздрей.

– Она на месте?

Подняв взгляд, я увидела перед собой Эрика Мастерсона. Я впервые видела его так близко и поняла, почему другие девушки беззастенчиво с ним флиртовали. Любая женщина готова была бы убить за такие ресницы. Плюс у него были темные глаза, прекрасные зубы, элегантный прямой нос и густая шевелюра. Он сознавал свою привлекательность и наверняка любил смотреться в зеркало.

– Ну? – он взглянул мимо меня, в сторону кабинета Хелен. – Она на месте?

– Ой, нет, извините. Боюсь, она уже ушла сегодня. Вы с ней разминулись.

Он сложил руки и сложил губы, словно собираясь свистнуть. Из-за угла показалась уборщица с мусорным контейнером и принялась ссыпать туда пепельницы и мусорные корзины. Я увидела, что в кабинете Билла Гая уже темно, а вслед за тем звякнул лифт. Должно быть, это он направлялся домой. Уборщица удалилась по коридору, и я поняла, что на всем этаже остались только мы с Эриком.

Он посмотрел на меня. Повисло молчание, и мне захотелось прервать его.

– Я передам ей, что вы заглядывали.

– Вообще-то, Элис... Вы ведь Элис, верно?

Я кивнула, удивившись, что он знает мое имя.

Он сдвинул бумаги и присел на край моего стола.

² «Оксидол» – чистящее средство.

– Я думал поговорить с вами. Я просматривал ваши бумаги.

– Да?

– Видел ваше резюме.

– Что ж, там особо не на что смотреть.

Он так улыбнулся, словно заглянул не в мои бумаги, а мне под юбку.

– Это неслабое достижение – получить здесь должность секретарши без всякого опыта работы в журнале. В чем ваш секрет?

– Печатаю с олимпийской скоростью, – сказала я, пошевелив пальцами. – Да, и кое-кто замолвил за меня словечко.

Он мягко хохотнул и взглянул на часы. Я сразу поняла, что у него не «Таймекс», даже до того, как увидела логотип «Патек Филипп».

– Поздновато уже, – сказал он, поглаживая подбородок. – Вы, наверно, с голоду умираете. Я-то точно. Что скажете насчет пойти перекусить? Тут неподалеку «Чайная».

Я замялась от неожиданности.

– Ну, не упрямитесь; терпеть не могу есть один. Идемте?

Это сказал человек, явно не испытывающий недостатка в желающих составить ему компанию. Встав со стола, он махнул рукой в сторону коридора.

* * *

Дверь под красным навесом нам открыл человек в полном казацком облачении, приветствуя нас в русской «Чайной».

– Очень хорошо, что вы снова к нам заглянули, мистер Мастерсон, – сказал он, коснувшись своей папахи.

Едва мы вошли и сдали пальто, я почувствовала себя не в своей тарелке. Не то чтобы другие женщины были в бальных платьях с тиарами, но они держались с определенной элегантностью, которой мне еще предстояло научиться. Некоторых отличала от меня лишь нитка жемчуга или вечернее кольцо и шарф «Эрмес», но они чувствовали, что это их место, тогда как я казалась посторонней. Мужчины тоже были ухожены и одеты со вкусом. Симпатичные костюмы, шелковые галстуки, запонки с драгоценными камнями. Эти изысканные франты выстроились шеренгой вдоль бара, а над ними клубился сигаретный дым, смешиваясь с запахом духов. Туда-сюда сновали официанты в казацьем наряде, обслуживая гостей в красных кабинках.

Я уже подумала, что ждать столика мы будем не меньше часа, но тут к Эрику приблизился метрдотель.

– Мистер Мастерсон? Извольте следовать за мной с юной леди, сэр.

И он повел нас, лавируя в толпе с грациозностью тропической рыбы, плывущей по аквариуму. Я же, скорее, напоминала форель, движущуюся против течения, то и дело натываясь на людей, чуть не проливавших свои напитки.

Мы поднялись по лестнице на второй этаж, где перед входом в зал высился стеклянный русский медведь, похожий на гигантскую ледяную скульптуру. Я никогда еще не была в таком нарядном ресторане: витражный потолок, золотое дерево, растущее из красного ковра, увешанное цветными стеклянными шарами, декоративные зеркала вдоль стен, над красными скамьями, перемежаемыми золотыми самоварами. Люди кучковались в центре комнаты, как на коктейльной вечеринке.

Пока метрдотель вел нас к столику, Эрик то и дело останавливался, пожимая руки и целуя женщин в щеки.

– Вы очень популярны, – сказала я.

– До офиса рукой подать. Многие ребята Хёрста заходят сюда после работы, – пояснил он прозаично, когда мы уселись на одну из скамей.

Я оглядела помещение, отмечая прекрасно одетых женщин, то, как элегантно они держат сигареты и бокалы с коктейлями, какие стильные ридикюли болтаются у них на запястье или засунуты под руку. Я была так захвачена всем этим, что не заметила, как Эрик заказал мне martini с водкой. Я не любительница спиртного, но смотрела, как за мороженая на возникший передо мной большущий, под стать городу, красивый бокал с блестящими кубиками льда и двумя оливками на шпажках.

– За вас, – сказал он. – Добро пожаловать на борт.

– Поднять якорь!

Я так сильно чокнулась бокалом, что там все смешалось. Моя реплика в таком оформлении прозвучала невпопад, словно шляпа, которую не добросили до вешалки. Я пыталась держаться так, словно для меня было в порядке вещей бывать в таких ресторанах с мужчиной, который, вероятно, возглавлял команду гребцов в Гарварде или Йеле. Не приходилось сомневаться, что у него годичный абонемент на бейсбол и летний фамильный дом в Хэмптонсе.

– Ну, что скажете о «Чайной»? – спросил он, ставя бокал.

– Ничего так, – я напустила на себя вид светской львицы. – Но, честно говоря, в подметки не годится обжорке на 74-й и Третьей авеню.

Он свободно рассмеялся, впервые за все время. Мне приоткрылась другая его сторона, более непринужденная, но он быстро взял себя в руки.

– И как дела на новой работе?

– Дела – отлично, – сказала я. – Лучше некуда.

– Правда? – он склонил голову, так что прядь волос свесилась на лоб. – Значит, вам нравится работать на новую начальницу?

– Я тут пока недолго, но – да, – сказала я. – Она замечательная. И, к тому же, она ведь не просто начальница.

Он загадочно улыбнулся и убрал на место непослушную прядь.

Подшел официант, принять наш заказ, но Эрик отослал его. Я еще не заглядывала в меню, а когда заглянула, на меня нашла оторопь; там было карпаччо из говяжьей вырезки с *винегретом*, уйма видов икры, перепел, дикий кабан, омар, варенный в масле.

– Вам нравится семга? – спросил Эрик, почуяв мою растерянность.

– Да, нравится.

– Ну, отлично, – он закрыл свое меню и кивнул официанту. – Мы возьмем две кулебяки с семгой.

Эрик ненадолго отлучился, и я смотрела, как он идет по залу, то и дело с кем-нибудь здороваясь и прикладываясь к щекам женщин. Я ощутила укол – не то чтобы ревности – соперничества. Разумеется, не за внимание Эрика. Дело было исключительно в моей самооценке. Я сознавала свою привлекательность. Мне говорили, что я похожа на маму, и я отмечала наше сходство, разглядывая ее старые фотографии. У меня были ее синие глаза и темные волосы, такой же подбородок сердечком, высокие скулы и хорошая, чистая кожа. Но даже с мамиными генами я была далеко не столь изысканна и ухожена, как женщины в этом зале. Я спрашивала себя: что я здесь делаю – да к тому же пятничным вечером – с Эриком Мастерсоном.

Последний раз меня приглашал на ужин Майкл. Это был мой двадцатый день рождения, и он повел меня в итальянскую закусочную. Мы стояли в очереди с тарелками в руках перед металлическими емкостями со спагетти и тефтелями, курицей в золотистой подливке и баклажанами пармиджано. Пока я под пение официантов задувала свечку на торте-мороженом и загадывала желание, я и понятия не имела, что это был последний раз, когда мы с Майклом сидели за одним столом. Месяц спустя он набрался храбрости сказать, что не хочет на мне жениться.

Нам принесли кулебяки с семгой – это оказался слоеный пирог на горячем блюде – и мы стали молча есть. Каждый раз, как Эрик отправлял кусок в рот, я слышала, как его зубы задевают вилку. Весьма нетипично для представителя высшего общества. Это чуть заземлило его в моих глазах, и мне стало как-то легче.

Семга была восхитительна, и я еще не доела, когда Эрик отодвинул свое блюдо и подался в мою сторону. Он поставил локти на стол, переплел пальцы с безупречным маникюром и сказал:

– Могу я быть с вами предельно откровенным?

– Звучит жутковато. Уж не хотите ли вы сказать, что вам не нравится, как уложены мои волосы?

– Вообще-то, нет, – он взглянул на меня со значением. – Ваши волосы мне нравятся. Даже очень.

– Ну, тогда давайте, – сказала я, ухмыльнувшись, – сразите меня своей предельной откровенностью.

Он придвинулся еще ближе, чуть не касаясь локтем моей руки.

– Что ж, я уверен, вы все это уже слышали, – сказал он, – но в незапамятные времена «Космополитен» был одним из самых уважаемых журналов. Это был любимый проект Уильяма Рэндольфа Хёрста. Если хотите, его детище. Пока кому-то не пришла в голову блестящая идея – превратить его в журнал для пригородных домохозяек. Так началось его падение. И с тех пор он падает все ниже. И, если «Космополитен» должен умереть, не следует ли проводить его в последний путь с достоинством?

– О чем вы говорите? – я отпила martini. – Вы даете журналу новый старт, обновляете его. За этим вы и наняли миссис Браун, – пока я говорила это, брови Эрика все дальше лезли на лоб. – Разве не так?

– Слушайте, не секрет, что «Космополитен» на последнем издыхании. Все это понимают. Тираж упал ниже восьмисот тысяч, и мистер Берлин с советом директоров был готов совсем закрыть его. Наверно, мне не следует говорить вам этого, но, – он метнул взгляд по сторонам, намекая на конфиденциальность, – мы намеренно почти не стараемся увеличить число подписчиков. Мы почти не давали рекламы. Даже урезали персонал. «Космополитен» работает в аварийном режиме.

– Так, значит, вы хотели, чтобы журнал закрылся?

Он улыбнулся, словно радуясь, что я решила загадку.

– Таков был план.

– Но почему?

– Очень практичное деловое решение. Журнал перестал приносить доход и стал тянуть средства из всей «Корпорации Хёрста», так что совет директоров принял решение отказаться от него; но, как я уже сказал, – он поднял палец, – мы хотели проводить его в последний путь *достойно*.

– Тогда зачем вы наняли миссис Браун?

– Давайте скажем так: ее муж делает чертову уйму продаж корпорации. Это он нанял ее. Дэвид Браун – чародей. Этот человек мог бы продать лед эскимосам, – он ненадолго умолк, поигрывая запонкой. – Вы очевидно умная девушка. Если правильно разыграете свои карты, я уверен, у Хёрста для вас найдется место получше.

При этих словах я осушила бокал. Ситуация принимала серьезный оборот. Несмотря на игривые взгляды и шуточный тон Эрика, это был не романтический ужин. Я почувствовала легкое разочарование, сродни тому, что чувствует ребенок, когда его породистая морская свинка оказываются обычным хомяком. Но, даже если отставить в сторону мои романтические ожидания, я была заинтригована *местом получше*.

– Вы говорите, что хотите меня перевести в другой отдел? В другой журнал Хёрста?

Он придвинулся ближе и сказал совсем тихо.

– Буду с вами предельно откровенным.

– Ой, еще более откровенным? Не уверена, что готова к такому.

– Элис, – сказал он, игнорируя мое кокетство, – все понимают, что Хелен – миссис Браун – эта работа не по плечу. Компания сильно рискует, привлекая ее, и, говоря начистоту, мы не думаем, что она справится.

У меня голова шла кругом от водки и замешательства.

– Зачем вы говорите мне это?

– Потому что мне нужна ваша помощь. Мне нужно, чтобы вы стали моими глазами и ушами.

– Как это *понимать*?

– Я бы хотел, чтобы вы кое-что отмечали для меня. Рассказывали мне, с какими писателями она общается, какими фотографами и иллюстраторами интересуется. Я хотел бы знать, с кем она обедает, кто ей звонит. Такого рода вещи.

– Вы просите меня шпионить за ней?

– Нет-нет-нет, ничего подобного. *Ни в коем случае*, – он отодвинулся и поправил галстук. – Я просто хочу убедиться, что журнал не уподобится в итоге ее книжке.

Теперь он говорил, как те девушки в офисе. Не приходилось сомневаться, что корпорация хотела подмять под себя Хелен Гёрли Браун, но я не собиралась участвовать в этом. Возможно, я была не согласна с отдельными ее идеями, но если я и раньше симпатизировала ей, теперь мне захотелось, чтобы она задала им жару, побила их в их же игре.

– Вы окажете мне и совету директоров большую услугу, – сказал он. – И услуга такого рода не останется незамеченной. Или неоплаченной.

– Простите, вы обратились не к той девушке для такой работы.

– Правда?

Он взглянул на меня тем особенным взглядом, и я подумала, что мало, какая девушка способна устоять перед его обволакивавшими сердце чарами. Возможно, он думал убедить меня, что небо зеленого цвета, а трава – голубого, и что это мой долг – шпионить за начальницей. Неожиданно мне расхотелось оставаться в этом сказочном ресторане.

– Извините, – сказала я и взяла свою сумочку. – Время уже позднее, и мне пора домой.

Он выдержал мой взгляд пару секунд, а затем сказал:

– Я понимаю, Элис. Пожалуй, мы поговорим об этом как-нибудь в другой раз.

– Пожалуй, вряд ли, – я бросила на стол салфетку. – Спасибо за ужин и за то, что поставили меня в невозможное положение.

Я встала, спустилась на первый этаж и успела дойти до гардероба, когда поняла, что испортила отношения с управленцем Хёрста, и теперь меня, вероятно, уволят. Секунду я раздумывала, не вернуться ли с извинениями, но не смогла себя заставить.

Я стояла на тротуаре, под красным навесом «Чайной», пытаюсь собраться с мыслями. Налетел порыв ветра, неся по улице скомканные газеты и прочий мусор. Я застегнула пальто и подняла воротник. Было почти десять вечера, но я решила дойти домой пешком, чтобы проветрить голову.

Проходя по 57-й улице, я подняла взгляд на дом 224 и заметила, что в окне Хелен на четвертом этаже горит свет. Должно быть, она вернулась на работу после ужина с Дэвидом, потому что я различила ее хрупкую фигурку, склоненную над столом, лихорадочно что-то печатавшую.

Глава пятая

Той ночью я лежала, уставившись в потрескавшийся потолок, на тени, расплзавшиеся от уличных огней за моим окном. По Второй авеню пронеслась скорая, а может, пожарная, пронзая ночь сиреной, заглушая смех прохожих – вероятно, пьяных – на тротуаре. Глаза жгло, а тело налилось тяжелой усталостью, словно кости были засыпаны песком, но разум не желал успокаиваться.

Как только я начинала засыпать, во мне поднималась тревога. Я ворочалась с боку на бок, переворачивала подушку прохладной стороной, а мысли мои металась между страхом за работу и злобой на Эрика Мастерсона. Я растянулась на спине, не находя себе места. Около двух часов, когда провела очередная сирена, я стала думать, как буду звонить Элейн Слоун и объяснять, что уже потеряла работу, на которую она помогла мне устроиться. Я представляла, как пакую чемодан, сажусь в автобус и направляюсь домой, не сумев исполнить мамину мечту. Нашу с ней мечту.

Когда я смотрела на часы последний раз, было полпятого, а утром, едва проснувшись, я сразу ударилась в панику. Я сделала себе растворимый кофе и позвонила Элейн, спросить совета.

– Я сейчас выдвигаюсь в офис, – сказала она. – По выходным там тихо, я могу хоть что-то сделать, – я услышала фоном классическую музыку. – Может, ты подъедешь ко мне? Просто позвони в звонок, и я спущусь.

Но, приехав к офису «Бернард Гайс и партнеры», я увидела, что дверь не заперта, несмотря на субботнее утро, и в вестибюле горит свет. Люди входили и выходили, слышались телефонные звонки и перестук пишущих машинок. Словно был обычный рабочий день.

По шести соскользнул, грузно приземлившись, мужчина в желтых вельветовых слаксах.

– Извините, – сказала я, – я ищу миссис Слоун.

Он пошел за ней, и вскоре из-за угла появилась Элейн, в брюках цвета хаки и сапогах для верховой езды, словно вернулась с конной прогулки. Серебристые волосы разметались по стройным плечам.

– Спасибо, что встретились со мной так быстро, миссис Слоун.

– Ради бога, – сказала она, махнув рукой. – Что я тебе говорила? Миссис Слоун – это моя мама. А я – Элейн, – она позвала меня за собой. – Субботнее затишье было недолгим, да? – спросила она, идя по коридору, где почти за каждой дверью кто-то работал. – Мы скоро выпускаем большую книгу, и автор всех нас заставляет из кожи вон лезть.

Она привела меня в свой кабинет, который произвел на меня не меньшее впечатление, чем в первый раз. Почему-то я только сейчас заметила серию фотографий на комодке – там были все знаменитые авторы, с какими Элейн довелось работать. Вот, она стоит бок о бок с Граучо Марксом, оба попыхивают толстыми сигарами. А вот она жмет руку Гарри Трумэну. И да, фото с Хелен там тоже было: стоят щека к щеке, обвивая друг дружку руками.

Я уже собралась сесть, когда вбежала молодая женщина с неестественно красными щеками.

– Берни хочет, чтобы ты немедленно взглянула на новую обложку Джеки Сьюзан.

Она держала лист бумаги размером девять на двенадцать дюймов со словами «Долина кукол» жирным черным шрифтом.

Элейн взяла макет и окинула его взглядом, опершись о свой стол.

– Все равно не то, – она вернула девушке обложку. – Скажи ему, что нужно больше таблеток.

– Больше?

– Да. Больше таблеток. Больше кукол.

Девушка кивнула и исчезла.

Элейн закрыла дверь и повернулась ко мне.

– Так, чем я могу помочь тебе сегодня?

– Извините, что беспокою вас в субботу.

– Не говори ерунды, – она отмахнулась от моих извинений. – Я же сказала: моя дверь всегда открыта. По телефону у тебя был грустный голос. Сделать тебе кофе?

Она указала на хромированный чайник и фарфоровые изящные чашечки на подносе.

Я покачала головой, поставила сумочку на угол стола и прижала пальцы к пульсировавшим вискам.

– Похоже, я серьезно напортачила с работой.

– Что ж, в таком случае... – она потянулась к графину на комод. – Но, честно, – сказала она, разливая бренди по двум чашкам, – я думаю, ты проработала там недостаточно долго, чтобы всерьез напортачить.

Я услышала, как кто-то пробежал по коридору. Элейн добавила кофе в чашки и пододвинула одну ко мне. Я отпила с ее одобрения и стала рассказывать, что у меня стряслось прошлым вечером с Эриком.

– Ох, – сказала она, ставя свою чашку, – игра объявляется начатой.

– Что мне делать?

Подумав с минуту, она лукаво улыбнулась.

– Тебе – ничего. Ровным счетом, ничего.

– Вы не думаете, что мне надо предупредить Хелен? – я почувствовала, как бренди ударил мне в голову.

– Не думаю, – она подалась ко мне, сложив руки. – Хелен знала, на что подписывалась.

– Но ее там, похоже, никто не любит, – сказала я, вспоминая обед с Марго и другими девушками. – Даже женская часть.

– Неудивительно. Людям не нравится, когда рулит женщина. Даже другим женщинам, которые должны бы в первую очередь быть на ее стороне. У меня была та же проблема в «Рэндом-хаузе». Я одна из немногих женщин, издававших серьезные книги в твердых обложках. Обе попали в список «Таймс», и кое-кому это пришлось не по шерсти. Поверь, я пришла к Гайсу не потому, что у них такая прекрасная литературная репутация, – она закатила глаза. – Мне просто стало известно, что Берни не боится работать с сильными женщинами. Он проявляет ко мне уважение, не чинит препятствий и вдобавок платит щедрые деньги, – она отпила еще кофе. – Мне жаль, что это случилось, хотя я не удивлена. Но ты не волнуйся. Все будет в порядке.

– Так, вы не думаете, что меня уволят?

– Господи, нет, – она рассмеялась. – Этот тип, Эрик, вряд ли в силах тебя уволить. Без веского основания. А его основание не годится... даже для мальчиков Хёрста. Уж если так, это ему надо бояться, что ты добьешься его увольнения.

Я об этом не думала, но Элейн была права. Тянувшее чувство в животе чуть отпустило. Я глотнула еще горячительного кофе.

– У тебя в этой ситуации больше власти, чем у него, – сказала она. – Если, конечно, он действовал не с одобрения начальства, в чем я очень сомневаюсь. До такого не опустились бы даже Ричард Берлин и Дик Димс. Одно слово Хелен – чего я бы тебе не советовала – и Эрик вылетит, как миленький. Но у меня такое чувство, что Эрик выроет себе могилу без твоей помощи. Или чьей бы то ни было, – она улыбнулась и подняла чашку. – Уже лучше?

– Просто слов нет, – я приложила раскрытую ладонь к груди. – Я всю ночь не спала – так волновалась. Спасибо вам.

С легкой, мягкой улыбкой Элейн взяла сигарету из золотого портсигара с монограммой и прикурила от такой же зажигалки. Выдохнув дым в потолок, она так долго смотрела на меня, что я подумала, что со мной что-то не так.

– Что? – я поднесла руку к лицу.

– Ничего, ничего, – Элейн подалась вперед, уперев локти в стол. – Я просто думала, как ты похожа на маму. Просто копия. Но тебе, наверно, все время это говорят, – Элейн положила сигарету на край пепельницы и сняла два прекрасных серебряных кольца (из которых ни одно не было обручальным), а затем взяла с края стола элегантный баллончик с кремом для рук «Ле-бэн». – У меня где-то есть старые фотографии твоей мамы. Я найду и покажу тебе.

– Я бы с радостью посмотрела.

Она выдавила на ладонь немного лосьона с цветочным запахом.

– Один последний вопрос: как поживает твой отец?

– Думаю, нормально. Он снова женился.

– На Фэй?

– Вы знаете Фэй? – это был большой сюрприз.

– Ну, скажем так, я знаю *о ней*.

Мне стало интересно, общалась ли она с моим отцом в последнее время, но почему-то не смогла спросить об этом.

Элейн втирала лосьон, поглаживая свои длинные, ухоженные пальцы и безупречные ногти.

– Мама гордилась бы, что ты сюда переехала. Она всегда хотела растить тебя в городе, – Элейн надела кольца и взяла сигарету, стряхнув пепел. – Вивиан никогда не любила Огайо. Но что ей оставалось? Твой отец не хотел покидать дом, а ей было некуда больше податься.

– Что значит: «Некуда больше податься»?

Элейн увидела озадаченное выражение на моем лице и сама погрузилась.

– Извини, – она покачала головой и сдула пепел с сигареты. – Зря я это сказала. Прости.

– Нет, пожалуйста. Я не возражаю.

Я хотела сказать: «Расскажите мне все», но в горле встал ком, и слова застряли.

Элейн была готова что-то сказать, но ее взгляд переместился за мое плечо, и она просияла.

– О, Кристофер, – сказала она. – Прости, что пришлось вытащить тебя в субботу. Заходи. Хочу тебя кое с кем познакомить.

В дверях стоял высокий человек. На вид ему было лет двадцать пять, его темные волосы почти доставали до плеч, но что привлекло меня больше всего, так это фотоаппарат, висевший у него на плече.

– Не хотел мешать вам, – сказал он.

– Нет-нет, все в порядке. Это Элис Уайсс. Дочь моей давней, давней подруги. Элис, это Кристофер Мак.

Мы сказали друг другу «привет», и я уставилась на фотоаппарат, новый «Никон» модели F – мне стало стыдно за старую мамину «Лейку».

– Только что встречался с Летти, – сказал он. – Будем делать новые портреты и рекламные фотки в понедельник вечером. Поснимаем у меня в студии.

– Ты нас спасаешь, – сказала Элейн. – Джеки забраковала все, что мы сделали.

– Нужно было сразу звать меня.

Он ухмыльнулся, и лицо его ожило: темные, пристальные глаза под копной волос, острый нос и угловатый подбородок.

Закончив рассказывать о своей встрече, он любезно попрощался с нами, и Элейн попросила меня подождать и проводила его в вестибюль, взяв под руку. Я допила кофе, чувствуя, как бренди кружит голову.

– Извини за ожидание, – сказала Элейн, вернувшись через несколько минут, и села за стол.

– Он, кажется, очень приятный, – сказала я.

– Он чрезвычайно талантлив. Молод, иногда несдержан, но талантлив. Хорошо бы, он еще волосы подстриг. Можешь не верить, но под этой копной скрывается очень даже симпатичный парень.

– О, я верю, – сказала я с улыбкой.

Он был привлекательным, скорее, даже сексуальным. Я собиралась спросить о его фотографиях, но Элейн потянулась к стопке бумаг на столе. Я почувствовала, что ей не терпится вернуться к работе.

– Еще кофе? – спросила она. – Бренди?

– Нет. Нет, спасибо. Я и так отняла у вас столько времени. Но мне стало лучше.

– Только помни: ни слова об этом Хелен. Она большая девочка. Знает, как справляться с такими. Имей в виду, Хелен Гёрли Браун, может, и выглядит как тростинка, но она тверда, как гвоздь. Железный кулак в бархатной перчатке, – я вспомнила, как она сломала карандаш. – У Хелен не вчера появились противники. Ей в свое время досталось. Помню, когда мы работали над ее книгой, я умоляла ее смягчить тон. Не пойми меня неправильно – я всеми руками за свободу женщин, но Хелен все еще считает, что сексуальность – это главное женское оружие. Я ей говорила: «Но, Хелен, а как же мозг?» – Элейн рассмеялась, качая головой. – Что для нее характерно: она выставляет себя простой девушкой из захолустья, а сама носит «Пуччи» – и она это понимает. Она на редкость умная. Каждый раз, как она открывает рот, у нее в уме законченное предложение. Эта женщина всегда на шаг впереди других. Она отточила свою роль простушки, так что любому может внушить, будто она такая же, как ты. Это, если хочешь знать, одна из граней ее гениальности. Большинство не замечают подвоха, пока она не выдернет скатерть из-под посуды у них под носом, – Элейн рассмеялась. – О, и ей нравится расточать комплименты.

Я могла это подтвердить. Хелен при любой возможности говорила мне и другим, что ей нравятся наши туфли, шарфы, укладки. Она сказала Бриджет, что у той хорошая осанка, и спросила Марго, как она отбеливает зубы. Она всегда умела сказать что-то такое, что будет греть тебя весь день.

– И она всегда готова признать свои несовершенства. Думаю, это ее способ уравнивать шансы. Лишать соперников бдительности. Присматривайся к ней, Элис – поймешь, о чем я говорю. Ей нравится признаваться, что она носит накладные ресницы или лифчик с поролоном.

Это было правдой. Я видела и эту сторону Хелен. Она беззастенчиво признавалась в своих маленьких хитростях. Она полагалась на них, как художник полагается на свои краски и кисти. Они были незаменимы для создания ее главного творения, которым, разумеется, являлась сама Хелен Гёрли Браун. Миллионы одиноких девушек пытались подражать ей, но настоящая Хелен была только одна.

* * *

– Возьми шарф и перчатки, – сказала Труди следующим утром, стоя на моем пороге и застегивая пальто под горло. – Солнце вышло, но еще морозно.

Труди предложила показать мне город, и я с благодарностью согласилась, ведь по большому счету я не видела Нью-Йорка, кроме среднего Манхэттена и подземки, ходившей между 59-й и 77-й улицами. Я схватила на ходу шерстяной шарф, пахнувший «Шалимаром», и фотоаппарат, и все повесила на шею.

Первой нашей остановкой стала лексингтонская кондитерская, как Труди ее называла, на углу 83-й и Лекс. Если не считать стойки с леденцами, шоколадными монетками, конфет-

ками-сигаретами и лакричными веревками у кассы, я не очень поняла, почему это считается кондитерской. Особенно учитывая, что это была кофейня с лучшими завтраками во всем верхнем Ист-Сайде, как сказала Труди.

Мы усадились за потертую бакелитовую стойку в ножевых порезах, пятнах кофе и ожогах. Красные табуреты под нами свободно вращались. Мы заказали две порции омлета с картофельными оладьями и ржаные хлебцы с беконом за 35 центов, а также две бездонные кружки кофе по пять центов. Бирюзовое радио на задней стойке играло «Ду-уа-дидди-дидди», и официантка, подававшая нам кофе, чуть слышно подпевала. Это напомнило мне маму. И то, как она умерла.

От этой мрачной мысли меня отвлек малыш, визжавший, чтобы ему дали карамельки. Он не унимался, пока его мама не сняла коробочку со стойки. Эх, давно миновали деньки, когда все могла решить коробочка карамелек.

Когда мама с малышом ушли, я рассказала Труди о том, что мне устроил Эрик в ресторане в пятницу и как я потом была у Элейн.

– Ты бы видела ее. Она так уверенно разрулила мою ситуацию. У меня гора с плеч упала, когда я вышла от нее.

Я грызла хлебец и думала: «Бывало ли такое, чтобы Элейн Слоун сожалела о своих решениях? А Хелен? Хелен – одна из самых категоричных личностей, кого я знаю. Стоит ей взглянуть на статью или фотографию, и она сразу скажет: да или нет. Никогда: «Ну, не знаю». И так же сделала Элейн, взглянув на обложку той книги. Может, уверенность приходит с опытом, с возрастом?»

– Я восхищаюсь Элейн, – сказала я. – Она так в себе уверена. Мудрая и...

– И ты говорила, она не замужем? – спросила Труди, не уловив мою мысль, а может, намеренно отмахнувшись от нее.

– Ну да, не замужем.

– А была когда-нибудь? – спросила Труди с некоторой тревогой.

– Думаю, вряд ли. Но я почти уверена, что она сама не захотела. Она прекрасна и успешна. Элегантна и умна...

Труди скептически взглянула на меня, и я умолкла, поняв, что чересчур превозношу Элейн. Я словно преклонялась перед ней, боготворила. Но я и вправду была немножко влюблена в нее. И в Хелен тоже. В этом не было ничего удивительного. Обе напоминали мне маму.

– Я просто думаю, что Элейн Слоун на самом деле выдающаяся личность, – сказала я. – Уверена, она никогда не испытывала нехватки мужского внимания. А не замужем она наверно потому, что муж ей ни к чему.

– Муж ни к чему? – Труди подалась вперед, упершись локтями в стойку, словно я выбила из-под нее некий столп веры, и сказала: – Представить не могу такого. А ты? – по радио запели «Девушку из Ипанемы». – Тебе ведь хочется влюбиться и выйти замуж? Ведь правде же?

– Только если ничего другого не останется.

Она рассмеялась, но потом поняла, что я не шучу. Или, по крайней мере, пытаюсь быть серьезной.

– У меня была любовь, – сказала я ей.

И рассказала про Майкла: как мы с ним дружили с детства, какие у него были русые волосы и озорная улыбка, не изменившаяся даже тогда, когда он вымахал выше отца. Он жил не в соседнем доме, а через дорогу. Я вспомнила, как ему было десять, а мне восемь, и он подумал, что у меня вши, и убежал с площадки. На следующий год, когда он решил, что со мной уже можно дружить, мы стали играть вместе и болтать по консервному телефону, протянув веревку между нашими дворами. Прошли годы, и мы с ним сыграли в бутылочку в подвале у Эстер. Майкл стал первым мальчиком, кого я поцеловала, а через два года, когда я пошла гулять с его другом, Марвином, Майкл приревновал меня и сразу пригласил на свидание. В

старших классах мы были уже парой. Когда пришло время поступать в ВУЗ, он отправился в университет Огайо и подарил мне сперва значок студенческого братства, а потом бабушкино кольцо.

У меня было столько воспоминаний, связанных с Майклом, но самое неотвязное касалось того дня, когда он сказал мне, что все кончено: его виноватый, потупленный взгляд, поникшие плечи, руки в карманах, запах бурбона.

– Любовь переоценивают, – сказала я.

– Даже не знаю.

– Верь мне, это правда. Ты носишь в своем сердце другого человека с утра до вечера, каждый день, и иногда это чудесно, а иногда это... просто тяжкая ноша. Это изматывает. Он поругался с начальником или, может, с братом, а ты этого не знаешь и думаешь, он злится на тебя. Что это ты виновата, что он дуется и не хочет говорить об этом. Потом он к тебе опоздает – вы договаривались, что он зайдет за тобой на час раньше. А он заглянул выпить пива и забыл позвонить. Подумаешь, проблема. Но эта любовь, которую ты носишь в сердце, делает тебя невротичкой, потому что твоя мама погибла в аварии, и ты думаешь, что с ним тоже что-то случилось. И вот в такие моменты – когда тебя мутит при мысли, что ты его потеряешь – ты осознаешь, как сильно стала от него зависеть. Из-за таких мелочей, как донести пакет из магазина и поменять лампочку у тебя в кладовке или почесать между лопаток, где не достанешь. И вот, когда ты свою жизнь не можешь без него представить, он говорит, что не готов жениться на тебе. Он тебя больше не любит. А через год, когда ты еще надеешься, что он может вернуться к тебе, он обручается с другой. Нет уж, спасибо, любви с меня хватит.

– С тобой такое случилось? – Труды смотрела на меня в ужасе.

Я кивнула, удивляясь на себя, что выложила все это, и переживая, что еще немножко, и я бы вышла из себя. Мне было больно вспоминать об этом, но, хоть я и сказала, что больше не хочу отношений, это не было правдой. При всем моем цинизме, я все равно хотела любви, взаимной любви. Как и любой девушке, каких я знала, мне хотелось этой сказки, но мне также хотелось гарантии, что она не кончится однажды. Мне не хотелось снова рисковать разбитым сердцем. Я положила салфетку на тарелку и отодвинула ее.

Кассирша звякнула кассой. Я думала, как сменить тему, но Труды сделала это за меня.

– Интересно, Элейн Слоун хоть иногда заглядывает в «Бергдорф»? – спросила она.

Труды работала там в обувном отделе с тех пор, как переехала из Сент-Луиса за два года до того.

Я сразу вспомнила о туфлях «Гуччи» Элейн.

– Я бы не удивилась.

– Мне на ум пришла депрессивная мысль, – сказала Труды, беря в руки кружку кофе. – Я весь день трогаю женские ноги.

– Ой, – сказала я. – Но ты трогаешь самые богатые и ухоженные ноги во всем Манхэттене. Они наверно пахнут, как французские духи.

Она рассмеялась и отпила кофе.

Позавтракав в кондитерской, мы спустились в подземку и доехали до среднего Манхэттена. Когда мы шли по Пятой авеню, у нас под ногами прогрехотал состав, обдав нас порывом воздуха через решетку. Мы повернули на 42-ю улицу, где на перекрестке стоял полисмен, регулируя движение и свистя в свисток.

Труды указала прямо вперед.

– Вон он. Только взгляни.

Я повернулась и увидела небоскреб в стиле ар-деко, величавый и блестящий на фоне ярко-синего неба.

– Крайслер-билдинг, – Труды вздохнула в восхищении. – Скажи, это что-то?

– Грандиозно, – сказала я, щелкая фотоаппаратом.

– Пусть Эмпайр-стейт-билдинг выше на несколько этажей, но для меня это главное сокровище Манхэттена.

Я продолжала снимать, а Труды рассказывала мне о строительстве небоскреба с дотошностью доцента.

– Его построили в тысяча девятьсот двадцать восьмом, причем довольно быстро. Ты согласишься почти на четыре миллиона кирпичей и четыреста тысяч заклепок.

Я опустила фотоаппарат и направила на нее, пораженная, что слышу эти сведения от веснушчатой девицы, которой, казалось бы, пристало больше интересоваться американской эстрадой, чем строительством и облицовкой небоскребов.

– Откуда ты столько знаешь об этом? – спросила я, глядя на нее через объектив.

Несмотря на прохладную погоду, я увидела, что на лице у нее проступили новые веснушки, хотя на солнце мы были недолго.

– Серьезно, – спросила я, фотографируя ее, – откуда столько сведений?

– Ой, даже не знаю, – сказала она, позируя мне (она стояла перед ремонтом обуви, и неоновый контур сапога в витрине идеально обрамлял ее профиль). – Меня всегда завораживала архитектура. То есть кто-то ведь создал его, – она указала на небоскреб, – просто силой своего воображения. Увидел у себя в голове – и вот оно теперь. Навечно. Это поразительно. Ты читала «Источник» Айн Рэнд?

Я покачала головой.

– Почитай. Я три раза перечитывала. Идем, – она двинулась дальше по тротуару, – покажу тебе Эмпайр-стейт-билдинг.

Мы пошли по Пятой авеню, между 33-й и 34-й улицами. Совсем рядом был универмаг «Мэйси». Фасад загоразивали леса, и слышался стук молотков и дрелей.

Стоя в прохладном весеннем воздухе, Труды указала прямо вверх.

– Эмпайр-стейт-билдинг спроектировал архитектор Уильям Лэмб. Отгадай, сколько ему понадобилось, чтобы набросать чертежи? Две недели. Каких-то две недели.

– Впечатляет.

Я подняла фотоаппарат и сделала несколько снимков, а в воздухе между тем разливался дымный запах хот-догов от тележки, стоявшей неподалеку. Продавец сидел на молочной таре, в рваном зеленом комбинезоне, его нос и щеки покрывала сетка сосудов. Он курил сигарету без фильтра и смотрел на прохожих. Мне он показался интереснее, чем Эмпайр-стейт-билдинг. Пока Труды продолжала просвещать меня, я сняла продавца, надеясь поймать его грустный пристальный взгляд. Перемотала пленку, настроила объектив и сделала еще несколько снимков, прежде чем мы спустились в подземку и направились в Виллидж.

Я никогда еще не забиралась дальше 14-й улицы. Там был другой мир: переплетение узких улочек, где попало начинавшихся и кончавшихся. И местные жители были под стать своему окружению. Вместо строгих костюмов с портфелями люди носили джинсы и гитары. Кругом было ощущение «расслабона». Меня заворожили клубы пара, медленно расплывавшиеся от люков. Вдоль обочин были навалены горы мусорных мешков и сплюснутых коробок. Я остановилась и достала фотоаппарат.

– Ты будешь это снимать? – спросила Труды.

– Здесь своя история, – сказала я, щелкнув затвором.

Мой фотоаппарат, словно наблюдательный продавец, тянулся к самым неожиданным людям и местам.

– Побереги пленку, – сказала Труды, засовывая руки в карманы. – Нам еще будет, что смотреть.

Ветер усиливался, температура падала, пальцы ног у меня мерзли. Труды отвела меня в кофейню, погреться и отдохнуть. «Кафе Дель Артиста» было старым и живописным, с темными деревянными панелями в интерьере. В воздухе витал запах кедров и сигарет. Мы зака-

зали у стойки кофе и поднялись по скрипучей лестнице на верхний уровень. Наверху было полно мягких стульев и всевозможных столов и столиков, в том числе с помутневшими от времени латунными ручками на ящиках. На стенах висели старые пожелтевшие карты. Мы заняли два потертых кожаных табурета у окна, выходящего на Гринвич-авеню. Фоном мягко играла французская музыка.

Труди достала пачку сигарет и предложила мне. Я почти не курила, но ведь я почти и не пила, пока не переехала в Нью-Йорк. Взяв одну сигарету, я задержала дыхание, когда Труди поднесла мне огонь.

– Хочу показать тебе что-то реально четкое. Выдвини ящик.

Она указала на маленький столик рядом со мной.

Я выдвинула скрипучий ящик и увидела кучу салфеток и бумажек, спичечных коробков и открыток, и на каждой было что-то написано. Труди выдвинула ящик у другого столика, рядом с ней, и там была такая же картина.

– Здесь каждый что-то пишет и кладет в ящик.

– Что пишет?

– Да что угодно. Вот, послушай, – сказала она, взяв салфетку: – «Пятеро из четырех людей не шарят в математике».

– А вот еще, – сказала я сквозь смех, беря бумажку: – «У всех сегодня так, завтра по-другому. А у меня все та же хрень без конца и края», – я порылась в ящике и вытащила еще бумажку. – Это цитата Уинстона Черчилля: «Возможно, я пьян, мисс, но утром я протрезвею, а вы останетесь уродиной».

Труди расхохоталась.

– Ой, а вот тоже хорошая, – сказала я. – «Каждая великая мечта начинается с мечтателя. Всегда помните: у вас есть сила, терпение и страсть, чтобы достать до звезд и изменить мир».

– Кто это сказал?

– Гарриет Табмэн, – я взглядела в строчки, нацарапанные карандашом, чуть смазанные по краям. – А ты о чем мечтаешь? – спросила я, выдыхая дым.

– Хм-м-м, – Труди задумалась и пожала плечами. – Да так, о разном, не помню.

– Нет, я имею в виду больше мечты, к которым ты сознательно стремишься. Что тебя воодушевляет. Я о таких мечтах.

Она была озадачена.

– Я не знаю. Никогда толком не думала об этом.

– Никогда?

Мне как-то не верилось.

Практически всю свою жизнь я о чем-то мечтала. То, что было здесь и сейчас, меня не устраивало. Мне хотелось чего-то большего, лучшего и побольше.

Труди затянулась сигаретой. Она погрузилась в себя, и я поняла, что она действительно никогда всерьез не задумывалась об этом.

– Да ладно. А ты о чем мечтаешь?

– Вот о чем, – я подняла фотоаппарат.

– Быть фотографом? – Труди не рассмеялась, но видимо решила, что я шучу. – Каким образом?

«Забудь и думать», – говорил ее тон.

– Пока не уверена.

Штука в том, что в родном городке я не видела других фотографов, но Нью-Йорк ими кишел. На каждом шагу меня подстерегали конкуренты со своими «Никонами», «Кэнонами» и «Кодаками», без которых они не выходили из дома. Я стряхнула пепел с сигареты, думая о курсах, на которые не решалась записаться, оправдываясь тем, что у меня нет денег. Однако я позволила себе купить пару новых туфель. Я отпила кофе.

– Но я тебе вот что скажу: я знаю, о чем ты мечтаешь. Или, по крайней мере, о чем тебе надо мечтать, – Трудити посмотрела на меня заинтригованно. – Архитектура, – я подняла кружку для эффекта. – Тебе надо стать архитектором.

– Мне? – Трудити рассмеялась. – Девушки не могут быть архитекторами.

– Кто сказал?

– Ну... Я не знаю ни одной женщины-архитектора.

Судя по тому, как она закатила глаза, она не собиралась всерьез рассматривать эту идею.

– Уверена, такие есть. Тебе надо просто найти их. Иди в библиотеку. Я так делала. Я часами сидела над книгами по фотографии. Так я узнала Диану Арбус, Рут Оркин, Хелен Левитт...

Я замолчала. Было заметно, что Трудити меня не слушает, даже до того, как она достала очередную бумажку.

– А вот это зацени, – сказала она. – «Есть свет в конце туннеля. И это встречный поезд».

– Ладно тебе, Трудити. Ты ведь перебралась сюда из Сент-Луиса не просто чтобы продавать туфли богатым дамочкам, а?

– Нет, – она стала смеяться. – Зато у меня есть скидка.

– Я серьезно. Если такая женщина, как Элейн Слоун может стать первоклассным книжным издателем, а Хелен Гёрли Браун может управлять журналом, почему ты не можешь быть архитектором? Или я – фотографом? – я взяла салфетку и разгладила ее на столе. – У тебя есть ручка?

– А что? – Трудити порылась в сумочке и протянула мне ручку. – На тебя нашло вдохновение?

– Да, вообще-то, нашло. Я читала, что мечты воплощаются с большей вероятностью, если записать их, так что это мы и сделаем, – я сняла колпачок с ручки и написала, пока Трудити заглядывала мне через плечо: – В этот день, воскресенье, 28 марта, 1965 года, Трудити Льюис и Элис Уайсс объявляют, что они будут следовать за своими мечтами. Что бы ни случилось. Мисс Льюис будет строить карьеру архитектора, а мисс Уайсс станет всемирно признанным фотографом.

– Всемирно признанным? – Трудити рассмеялась. – Ты чокнулась, ты это знаешь?

Я поставила свою подпись и протянула ручку Трудити.

– Теперь – ты.

– Это безумие, – сказала она, но подпись поставила.

– Я уверена, Элейн Слоун и Хелен Гёрли Браун тоже не раз слышали такое.

Трудити, улыбаясь, засунула руку в сумочку и достала жвачку. Тема заветных мечтаний была закрыта. Она считала это бесплодными фантазиями, но понятия не имела, как серьезно я была настроена. Сложив наше заявление, я убрала его в один из ящиков и подумала, как сильно хочу стать кем-то. Может, однажды какая-нибудь девушка приедет в Нью-Йорк с чемоданом, набитым мечтами, и будет смотреть на меня как на пример всего, чем она может стать.

Мы с Трудити допили кофе и выкурили еще несколько сигарет, выдвигая разные ящики и читая стихи и любовные письма, телефонные номера и глупые поговорки. От некоторых мы так хохотали, что можно было подумать, у нас в кружках не кофе, а джин.

Глава шестая

У нас с Хелен понемногу вырабатывался рабочий распорядок. Первым делом я приносила ей кофе, а иногда стакан растворимого витаминного коктейля, вместе с утренними номерами «Уолл-стрит джорнал», «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон-пост». Я клала газеты ей на стол и ставила рядом кофе – как правило, это была ее вторая или третья чашка, поскольку она почти всегда умудрялась приходиться на работу раньше меня.

Иногда я находила сломанные карандаши у нее на столе или на полу, говорившие о том, что она была на пределе, даже если никак иначе это не проявлялось. Пока она просматривала газеты и вырезала все, что казалось ей интересным, чтобы я подшила это в ее «папку идей», мы прорабатывали ее расписание на текущий день. Я коротко перечисляла назначенные встречи, звонки и сроки сдачи, а затем мы пробегались по неотложным личным вопросам, таким как выбор подходящей оберточной бумаги из заказанных образцов для срочных подарков или сувениров. Это было не так просто, как может показаться. Нужен ли Роне – в смысле, Роне Джаффе – бумажник «Эрмес», и не сочтет ли Барбара Уолтерс масло для ванны «Живанши» чем-то слишком личным? Эти вопросы не давали мне покоя. А еще не так-то просто было охранять покой Хелен от непрошенных посетителей и перехватывать телефонные звонки во время ее ежедневных занятий гимнастикой – в положении стоя, сидя и лежа – и упражнениями для шейного отдела.

В тот понедельник я последовала совету Элейн и ни слова не сказала Хелен о том, что Эрик просил меня шпионить за ней. Вместо этого мы пробежались по списку ее дел, и я дала ей просмотреть записку по рекламе перед тем, как нести ее Айре Лансингу.

Выходя из ее кабинета, я думала, что рано или поздно столкнусь с Эриком, и ужасно этого боялась, предвидя выяснение отношений. Долго ждать мне не пришлось, потому что в десять часов он сам подошел к моему столу.

Он наклонился ко мне и сказал тихим голосом:

– Слушай, я думал о том, что случилось в пятницу вечером, и... в общем, мне жаль. Это было бестактно.

– Да, ты был бестактен.

Я все еще была зла на него и принялась печатать, не глядя, нажимая клавиши так сильно, что кофе выплескивался из чашки.

Он помусолил запонку и сказал:

– Элис, у нас вышло неудачное начало. Мы можем переиграть? Сделать вид, что этого не было?

– Еще бы, запросто.

Я вытащила лист из машинки, вставила другой и стала печатать, как автомат; Эрик не двигался с места и молчал, и я почувствовала слабый запах его лосьона.

– Вы хотели чего-то еще? – спросила я, наконец.

Он посмотрел куда-то в сторону, и я проследила за его взглядом. На нас смотрела Бриджет, с явным любопытством.

– Ну так?

– Нет, – сказал он, засунув руки в карманы. – Нет, ничего такого.

Как только он удалился за пределы слышимости, ко мне подскочила Бриджет, так порывисто, что ее жемчужные сережки закачались.

– Что это было?

– Что? – я продолжала печатать, прикинувшись тупой.

– Эрик Мастерсон. О чем он с тобой говорил? – не дождавшись моего ответа, она взяла меня за руку, так что мне пришлось перестать печатать. – Ты в порядке? – она заглянула мне в глаза. – Ой-ой. Ты не в порядке, да?

Я плотно сжала губы, не желая говорить.

– Что случилось?

Она не собиралась отставать, и я покачала головой.

– Не здесь, – сказала я.

Она подождала, пока я встану из-за стола, и проводила меня в туалет. Я стояла у зеркала, пока она проверяла все кабинки. Открыв и закрыв последнюю дверцу, она повернулась ко мне.

– Ну ладно, выкладывай.

– Он просто... – я покачала головой и прижала пальцы к вискам. – Он меня против шерсти гладит.

– Ну, меня он мог бы гладить, как угодно, – сказала она, вынимая пачку сигарет. – Он классный, разве нет?

– Может, и классный, но он подлюга.

– О чем ты говоришь?

– Он недавно взял меня поужинать.

Глаза ее расширились, и в них заплясал огонек зажигалки. Я почувствовала ее восторг и зависть.

– И?

Я замялась, не желая развивать эту тему.

– Ой, ладно, колись, – она смотрела на меня невыносимым взглядом девочки, которую дразнят конфетой. – Мне тебя умолять?

– Окей, – сказала я, наконец. – Но обещай, что это останется между нами.

– Само собой. Можешь доверять мне. Никому ни слова.

И все же я колебалась. Обычно, когда человек говорит, что ему можно доверять, это значит обратное.

– Честное скаутское, – она перекрестила сердце.

Было похоже, что ей движет не только любопытство, но и участие, к тому же Бриджет больше других девушек заботилась, чтобы я вписалась в коллектив.

– Ну, – начала я, несмотря на свои опасения, – он хочет, чтобы я его держала в курсе о том, что здесь творится.

– Серьезно? Это в смысле чего?

– Чего угодно, чтобы он докладывал Хёрсту о новшествах, которые миссис Браун делает с журналом.

– Но разве от нее не *ждут* новшеств?

– Я тоже так думала. Но она ему не нравится. Думаю, он хочет, чтобы ее уволили.

– Боже мой. Какой ужас. Поверить не могу, что он просил тебя о таком.

– Я сама в шоке. Я ему сказала, пусть не надеется. Я не поступлю так с моей начальницей. Бриджет стряхнула пепел в раковину. Он зашипел, коснувшись воды.

Я глянула на Бриджет в зеркале.

– Ты должна пообещать, чтобы ни слова миссис Браун.

– Шутишь? – Бриджет округлила глаза. – Я даже не пикну, – она сняла с языка табачную крошку и оглядела себя в зеркале. – Так чего ему теперь от тебя надо? – спросила она, возвращаясь к Эрику. – Он определенно караулил тебя все утро.

– Теперь он хочет подружиться. Сплошное раскаяние.

Я подумывала сказать ей, что услышала от Элейн, но Бриджет сменила тему.

– Что ж, у меня тоже есть секретик.

– Какой?

– Только никому ни слова. Обещаешь?
– Само собой. Я же тебе рассказала про Эрика.
– Вот я и подумала. Никому ни слова. Особенно Марго. Она трепло. У нее язык что помело.

– Ну, что у тебя?
– Ну, – Бриджет сцепила руки, – у меня собеседование в «Редбуке».
– Что? Ты уходишь? Почему?
– Это просто собеседование, но у них вакансия в издательском отделе, на помощника редактора. Исходный оклад восемьдесят долларов в неделю.

– Но ты здесь работаешь уже два года?
– Да, и это очень долго.
– Я думала, тебе нравится быть его секретаршей.
– Быть секретаршей не может *нравиться*. У меня есть шанс стать помощницей редактора. Это серьезная должность, и деньги тоже хорошие, – она закусила сигарету и поправила волосы, поморщившись. – Знаешь, как я развернусь при восьмидесяти долларах в неделю? Я сейчас еле на жильё наскребаю.

Я ее понимала, ведь мне часто приходилось выбирать между гелем для волос и кассетой пленки или между проявкой и походом в кино и кафе с Труды.

Бриджет продолжала возмущаться, что ей нечем платить за телефон, когда вошла Марго.

– Что ж, – сказала Бриджет, смывая пепел, – спасибо, что подсказала с планом производства. Нужно будет включить это в отчет для мистера Гая.

Она подмигнула мне, бросила влажный окурок в урну и распахнула дверь бедром.

Вернувшись к своему столу, я увидела, что меня дожидается Айра Лансинг, начальник отдела реализации и рекламы. Это был широкоплечий мужчина средних лет, похожий на звезду школьного футбола, из тех, что носят студенческий перстень в память о лучших временах. Он заглянул в кабинет Хелен, держа в одной руке дымящуюся сигарету, а в другой памятную записку, которую я перед этим принесла ему.

– Где она? У меня к ней срочный разговор.

– Извините, но ее сейчас нет на месте.

– Надеюсь, она не на встрече с «Ревлон» или «Макс Фактор».

– Она вернется через час, – сказала я, тайком скрестив пальцы.

Хелен была вовсе не на встрече. Во всяком случае, не на деловой. Каждый понедельник она ходила по утрам к психоаналитику, доктору Герсону. Нельзя сказать, чтобы Хелен стыдилась этого или делала тайну. Она ведь писала об этом в «Сексе и одинокой девушке», всем нам рекомендуя психоанализ. Раньше я думала, что к мозгоправам обращаются или те, кто пережил нервный срыв, или законченные психи. И мне было непонятно, зачем это нужно женщине вроде Хелен, которая вроде бы ни в чем не нуждалась.

– Что ж, – сказал Айра, давая окурок в моей пепельнице, – передайте ей от меня, что я получил эту ее записочку, и мне не нужны ее советы. Это я здесь отвечаю за продажу рекламных полос, – он ткнул себя в грудь, – я отвечаю за наших рекламщиков. Ее это не касается. Она не должна вмешиваться в мои дела, и я буду признателен, если она не будет совать мне палки в колеса и даст заниматься моей работой.

Не успела я и рта раскрыть, как он стремительно ретировался и исчез за углом.

Когда Хелен вернулась и я рассказала ей об этом, она от него отмахнулась, сказав «пфф». Я прошла за ней в кабинет и повесила ее пальто на дверную вешалку и убрала ее сумочку в ящик стола.

– Но будь с ним настороже. Айра Лансинг бабник, – с этими словами она протянула мне пакетик крекеров, вероятно, из ресторана. – И они еще называют меня девкой и подстилкой. А почему? Потому что я женщина. Я люблю секс. Всю жизнь любила. И не считаю это чем-

то ненормальным. Я в отличной форме, ни грамма жира. Да, и кстати, – сказала она, вынимая сигарету и прикуривая от золотой настольной зажигалки, – не верь всему, что услышишь обо мне. Я знаю, говорят, что у меня до Дэвида было сто шестьдесят пять мужчин. И это вранье, – она выдохнула дым и улыбнулась. – Их было сто шестьдесят шесть, – она взглянула мне в лицо. – В чем дело? Ты не рада за меня?

– Я просто удивляюсь, когда вы успевали со всеми встречаться.

– Я не со всеми *встречалась*. Я имею в виду, у меня не со всеми были отношения. Не пойми меня неправильно, у меня была масса ухажеров, и я спала со всеми. А другие... Ну, это были просто мужчины для секса. Не все из них даже угощали меня для начала ужином или коктейлем. В этом своя прелесть. Никаких привязанностей. Секс как он есть, и это здорово. Просто восхитительно, – она стряхнула пепел и поправила сзади парик, словно убеждаясь, что он не сполз. – Мужчины делают это с давних пор. Пришло время и женщинам получать удовольствие. Говорю тебе, я была как девочка в кондитерской. Я спала со знаменитостями, женатыми мужчинами, богатыми и бедными. Были жеребцы, были, – она покрутила рукой, – так себе. Были и настоящие джентльмены, и отпетые подонки. Я им не доверяла и легко бросала. Но если они были хороши в постели, что ж, – она рассмеялась, – мне этого хватало. Запомни, классный секс не должен быть с кем-то, кого ты любишь или кто тебе хотя бы нравится. И не надо так смотреть. Ты молода и свободна. Ты должна веселиться. Мама тебе этого не скажет, но это нормально – пошалить немного.

* * *

Следующим утром, когда я шла по коридору в отдел экспедиции, меня остановил Эрик.

– Какие у тебя планы на обед? – спросил он.

– У меня с собой.

– А как насчет завтра?

– И завтра тоже, – я попробовала уйти, но он взял меня за руку.

– Пожалуйста.

По коридору прошли Марго и Лесли, и обе оглядывались на нас через плечо.

– Пожалуйста, – повторил он.

Я вздохнула и покачала головой.

– Я не отстану. Я очень упорный, когда хочу чего-нибудь.

Эти обворожительные темные глаза смотрели на меня с таким ожиданием и мольбой, словно мой ответ мог уничтожить его. Или осчастливить. Я никогда еще не чувствовала такой власти над мужчиной, но не подавала виду.

– А зачем тебе так нужно ужинать со мной?

– Я же говорил, мне не по себе от нашего ужина на прошлой неделе.

– Я думала, мы уже все выяснили.

– Я хочу как-то извиниться. Хочу начать заново. С чистого листа. Слово этого никогда не было.

– В этом нет необходимости.

– Для тебя, может, и нет, а для меня есть. Пожалуйста, – и снова этот взгляд.

Я еще поломалась и сдалась, согласившись поужинать с ним.

Эрик с присущим ему размахом привел меня в очередное шикарное заведение на Манхэттене, «Ля Гренуй», на Восточной 52-й улице.

– Надеюсь, ты это спишешь на служебные расходы, – сказала я, заглянув в меню.

– Ты все время шутишь?

– Только когда нервничаю.

Он взглянул на меня с самодовольной улыбкой.

– Так, значит, я заставляю тебя нервничать?

– Не оттого, о чем ты думаешь, – я взглянула на него в упор; я с ним не играла. – Я все еще не уверена относительно твоих мотивов.

– Элис, – он поднял руки с раскрытыми ладонями, – я пришел с миром. Клянусь.

Он улыбнулся шире прежнего.

Я отвела взгляд и стала осматривать нарядный зал, заполненный цветами в трехфутовых хрустальных вазах. Все столики были заняты в основном бизнесменами в дорогих костюмах, заключавшими сделки и вкушавшими яства. Этот ресторан был полон власти. Она расходилась волнами от столиков, словно жар от асфальта в разгар лета.

Атмосфера в помещении раззадорила меня, принимая во внимание слова Элейн о том, что у меня был перевес в этой ситуации. Я решила помучить Эрика, дав ему понять, чем он рискует.

– Не думаю, что мистер Берлин одобрил бы твои этические нормы. А ты как думаешь?

Ухмылки на его лице как не бывало.

– Ты хочешь заложить меня?

– Пока не знаю, – сказала я, хотя уже решила последовать совету Элейн, то есть помалкивать.

Он тяжело сглотнул, и его симпатичное лицо чуть побледнело.

– А что ты, собственно, делаешь для Хёрста? – спросила я, закрывая меню и откладывая в сторону.

– Я каждый день задаю себе этот вопрос, – он покачал головой, поглядывая по сторонам.

Я решила, что не дам ему разжалобить себя такой самоиронией.

– Я серьезно: в чем твои обязанности?

– Если ты так хочешь знать, я, по большому счету, мальчик для битья и на побегушках у Берлина, Димса и Дюпюи.

Едва сказав это, он принял смущенный, даже озадаченный вид, словно такая откровенность была не в его манере.

– Ну, скажешь тоже, – я старалась не размякать, хотя чувствовала, как дрожит мой панцирь; мне плохо удавалась роль садистки. – А я слышала, ты восходящая звезда у Хёрста.

Я сказала это с невозмутимым видом, дав понять, что не очень ему верю.

– Что ж, я этого как-то не чувствую. Я выполняю массу рутинной работы. Каждый день я должен доказывать свою пользу.

– Ты поэтому хотел, чтобы я шпионила за миссис Браун?

Он скривился.

– Мне бы не хотелось, чтобы ты так это называла, – он достал сигарету и, прикурив от золотой зажигалки, звонко захлопнул крышку. – Я себе это в заслугу не ставлю. Я парень не плохой, клянусь. Ты мне веришь?

– Какая тебе разница, что я о тебе думаю?

– Не знаю, но разница есть.

Он пожал плечами, хотя мы оба понимали, что он не хотел, чтобы я обращалась к его боссам. Он одарил меня своей фирменной улыбкой, словно рассчитывая выйти сухим из воды привычным способом.

Я не поддавалась его чарам. Какое-то время мы сидели молча.

Подшел официант и принял наш заказ: нечто под названием «Les Quenelles de Brochet au Champagne» для меня и стейк «тартар» с «Pommes Gaufrettes» для Эрика.

– Если хочешь правду, – сказал он, когда официант удалился, – я был в отчаянии, когда попросил тебя насчет Хелен, – он уже не улыбался и, видимо, испытывал потребность выложить все начистоту. – Я в последнее время в такой запарке, что не могу себе позволить потерять работу. Журнальный бизнес – это отдельный мир. Ходят разговоры и... В общем, – он взмах-

нул руками, как бы отбрасывая неудачную формулировку. – Я знал, что Хёрст не в восторге от назначения Браун, и искал способ заработать побольше очков. Я прокололся и искренне сожалею.

Похоже, он говорил правду, и я поняла, что не способна на жестокость, даже к Эрику Мастерсону. Я высказала свою точку зрения, и ни к чему было муссировать ее.

Так что мы принялись болтать о всякой всячине – о погоде и текущих выставках – пока нам не принесли еду: ему горку сырого говяжьего филе и причудливо нарезанной жареной картошки за немислимую цену, а мне рыбу в тесте под жирным соусом с шампанским. Все было довольно вкусно, но я заметила, что Эрик почти не ел.

– Я вкалывал как проклятый, чтобы оказаться, где я есть, – сказал он, возвращаясь к прежней теме, очевидно, не дававшей ему покоя. – Мне эту должность никто не поднес на блюдечке с голубой каемочкой.

– Я этого и не думала, – сказала я и отметила напряжение в своем голосе.

– Можем мы заключить перемирие, Элис? – он посмотрел мне в глаза.

Подавшись ко мне, он сбросил локтем вилку со стола. Подняв вилку, он уронил с тарелки нож. Впервые я увидела его симпатичное лицо без маски вальяжного самодовольства, и он покраснел.

– Подожди, пока увидишь, что я на десерт заказал, – сказал он и покраснел еще больше.

Теперь он просто пылал, и неожиданно проглянул настоящий Эрик Мастерсон – без всякой показухи, без французских фразочек официанту и комментариев по поводу недавней выставки в Метрополитен-музее. Проявился обычный парень, такой, как есть, и тогда мое отношение к нему изменилось.

– Я правда сожалею о случившемся, – сказал он. – Мир?

Я невольно улыбнулась и кивнула.

Эрик хорошенько затянулся сигаретой, и наш разговор поплыл свободно и причудливо, словно клубы дыма. Он рассказал пару историй о предшественнике Хелен, Роберте Атертоне, и даже о Ричарде Берлине.

– Один раз Трумен Капоте облевал Берлину туфли из кожи аллигатора. Прямо в вестибюле Хёрста, – он хлопнул ладонью о стол, смеясь. – Это был последний раз, когда он обедал с Труменом.

Эрик жестом изобразил выпивку.

Он говорил без умолку, и вскоре я уже смеялась над классическими опечатками, такими как «бодрящий пенис напиток» и «сиски в тесте». Но любимый перл Эрика касался «праздничной укаковки для подарка жене».

Когда я отсмеялась, он поймал мой взгляд и посмотрел так пристально, что я растерялась. Сердце мое забило чуть быстрее. Если бы он мог читать мои мысли, он бы узнал, как меня влекло к нему. Я хотела отвести глаза и не могла. Он будто бы приворожил меня. Я не знала, что с этим делать, но возникло чувство, что между нами что-то началось. Я не понимала, что это, но понимала, что я в опасности.

Я не хотела влюбляться – ни в кого, а тем более – в Эрика Мастерсона. Все, кому я отдавала свое сердце – мама, отец и Майкл – так или иначе бросали меня. Я решила, что не вынесу еще одной потери. Особенно теперь, когда я наконец была в Нью-Йорке и хотела оставить прошлое позади.

Но Эрик сидел напротив меня и улыбался так, что меня бросало в жар. Я подумала о том, что накануне сказала Хелен. О том, что сексом можно заниматься просто для забавы. Я сознавала, что мне хочется поцеловать Эрика и прижаться к нему всем телом, и пыталась понять, неужели я действительно *такая девушка*. Я видела, что и он меня хочет, а ко мне так давно никто не испытывал вожделения. Я спала только с Майклом и лишь потому, что мы были помолвлены и я любила его. То есть я вела себя, как *хорошая девушка*.

И все равно Эрик меня интриговал. Меня влекло к нему, и между нами определенно проскакивали искры. Мне хотелось открыть для себя Нью-Йорк, а кто мог показать мне город лучше, чем Эрик Мастерсон? Он уже сводил меня в два ресторана, в которые я сама никогда бы не сунула нос. К тому же, можно было не сомневаться, что и он не искал ничего серьезного. Наше общение было веселым и легким, без острых краев, о которые можно пораниться.

Я почувствовала, что провожу время в свое удовольствие, но у меня был только час на обед, и приходилось посматривать на часы. Время поджимало, и я прикинула, что успею дойти от ресторана до офиса на другой стороне Пятой авеню за пятнадцать минут.

Заметив, что мы сидим уже сорок пять минут, я сказала:

– Ужасно не хочется, но я должна вернуться на работу.

Я все еще не доверяла ему, и мне не хотелось говорить, что Хелен назначила совещание на час дня.

– Я возьму счет.

– Нет-нет, – сказала я, вставая из-за стола. – Остайся, допей кофе.

– Это уже второй раз, Элис, – сказал он мне вслед. – Ты не можешь все время бросать меня в ресторанах.

Я остановилась и оглянулась, кокетливо пожав плечом.

– Ну, может, в третий раз тебе повезет.

К часу я была в офисе и созвала в зал совещаний всех оставшихся сотрудников Хелен. Ее единственный новый сотрудник, Уолтер Мид, должен был выйти только через неделю. За длинным столом расселись редакторы и авторы, со своими сигаретами, чашками кофе, блокнотами и непременной диетической колой. Когда подтянулись люди из художественного отдела, все места были заняты, так что они пристроились на подоконнике, точно стайка птиц.

Хелен внесла тяжелую коробку внушительных размеров, перевязанную бечевкой, а я – большой альбом для рисования, который установила на мольберт, напротив стола. Хелен встала рядом со мной, в лавандовом платье-рубашке, открывавшем ее изящные колени и добрую часть бедер, что было довольно рискованно для женщины средних лет, но ее это не портило, даже несмотря на стрелку на чулках. У нее была неодолимая склонность цеплять чулки (и обычные, и в сетку) ногтем или ручкой, а то и за угол стола, во время ежедневной гимнастики. Она, наверно, меняла три-четыре пары в неделю.

Она терпеливо подождала, пока все рассядутся, а потом выразительно прокашлялась, и все замолчали. Она всех поблагодарила мягким бархатным голосом за то, что пришли, словно это были дружеские посиделки, а не рабочее совещание.

– А теперь я бы хотела представить вам нашего нового ведущего редактора, – сказала она и повела рукой в его сторону.

Все глаза устремились на Джорджа Уолша. Поднялся легкий гомон, не особо одобрительный, прозвучало несколько бравурных поздравлений. Все знали, что Джорджа назначили сверху. Он определенно не был фаворитом Хелен. Джордж работал в журнале уже двадцать лет и был приверженцем старых традиций «Космополитена». У него на столе лежала Библия, и можно было не сомневаться, что он считал Хелен грешницей, которую ждет ад. Никто не мог понять, как они поладят. Она собиралась воевать с Хёрстом, а ее заместитель был его верным солдатом, который салютовал всякий раз, как проходил Берлин.

– Ну что ж, теперь давайте займемся делом, идет?

Хелен сняла колпачок с толстого фломастера, и помещение наполнил запах спирта. Она подошла к мольберту и жирно вывела линией слово «ИЮЛЬ», с двумя восклицательными знаками. И повернулась к публике, сияя улыбкой.

– Июль? – Джордж Уолш встал, увлеченно входя в образ ведущего редактора, сияя лысиной в резком верхнем свете. – Хелен, при всем моем уважении, – он усмехнулся с видом стар-

шего коллеги, – это совещание должно касаться дыр в июньском номере. И, честно говоря, для этого нужны не все присутствующие.

– О, Джордж, я знаю, – Хелен добродушно рассмеялась, копируя его манеру, и в буквальном смысле отмахнулась от него, мелодично звякнув браслетами. – Вы абсолютно правы. Это *нужное* дело. Но давай признаем, июньский номер уже потерян. Его по большей части сверстали еще без меня, – Хелен понимала, что июльский номер будет ее первым шансом всерьез заявить о себе и явить стране новый «Космо». – Поэтому сегодня мы будем обсуждать статьи и концепции для июльского номера.

– Но мы уже начали графический план на июль, – сказала Бобби Эшли, редактор статей. Хелен обратилась к ней с новым приливом энтузиазма:

– Что скажешь, если мы забудем графический план и начнем с чистого листа. Расслабьтесь. Берт, давай начнем с тебя.

Она сцепила руки в предвкушении, с искренней улыбкой.

– Ну, – сказал Берт Карлсон, поправляя галстук, отчего тот стал еще более косым, – в прошлом июле мы напечатали руководство по домашним развлечениям для жен ответственных сотрудников, которое получило хорошие отзывы. Мы могли бы повторить это.

Все закивали, только Хелен состроила гримасу.

– У-у-у, скучища, – она наморщила нос и покачала головой. – Дэйл, что у вас?

Дэйл Донахью был автором очерков, его отличали здоровый румянец заядлого рыбака и очки в массивной черепаховой оправе. Он взглянул на свои руки, словно на палые листья, и сказал:

– В последнее время я много слышал о фториде, так что думаю написать что-нибудь про кариес и...

– Кариес? – Хелен перебила его. – Хм-м-м, ужасная скучища, – она улыбнулась и стрельнула глазами в Бобби Эшли. – А что для нас приготовила ты, киса?

Бобби, очевидно, не привыкла, чтобы начальница называла ее кисой. Но я была обескуражена не меньше ее, поскольку считала, что Хелен называет так только меня. Признаюсь, я обиделась.

Бобби перелистнула свой блокнот, пытаясь взять себя в руки. Хелен улыбалась в ожидании.

– Я думаю, это ясно без слов, – начала Бобби, – что женщинам захочется летних рецептов.

– Серьезно? Ты правда так думаешь? – Хелен скривила бровь. – Боюсь, мои девушки посчитают это слишком скучным. Чего я на самом деле ищу, так это чего-то свежего и неожиданного. Я хочу чего-то по-настоящему дерзкого для моих девушек.

– Извините, – сказала Бобби, – я не совсем понимаю. Кто такие *ваши девушки*?

– *Девушки!* Мои девушки. Ваши девушки. Новая читательница «Космо» – это молодая, энергичная, свободная женщина. Целеустремленная и настроенная на карьеру. Сексуальная и с огоньком. Даже немного шалуныя. И я знаю ее лучше, чем кто бы то ни было, потому что сама была такой.

Все это она сопровождала выразительными жестами, и все смотрели на ее мелькавшие ногти, как на искры фейерверка в День независимости.

– Билл, – сказала Хелен, обращаясь к Уильяму Кэррингтону Гаю, литературному редактору, – что у вас в планах?

Билл Гай раскрыл папку и пошелестел страницами.

– У меня отрывок из «Истока» Миченера и новый рассказ Рэя Брэдбери.

– Они счастливые?

Он скривился, словно не расслышал.

– Прошу прощения?

– Это счастливые истории?

– Э-э, не совсем, нет.

– Ох, нелегкая, этого я и боялась. С этих пор я хочу, чтобы мы публиковали только счастливые, заряженные позитивом произведения.

Помещение наполнилось гомоном, которого Хелен как будто не слышала или решила не замечать.

– Говоря по существу, – сказала она, перекрывая гомон, – «Космополитен» должен обратиться к девушке в Канзас-сити, которая переживает, что ее парень не женится на ней, если она с ним переспит. Это журнал для девушки из Нью-Йорка, которая хочет знать, может ли она заниматься сексом при менструации. Наша читательница – это девушка из Финикса, которая не знает, что делать, когда начальник оказывает ей внимание. Эту девушку не волнует желатин и сотейники, садоводство и фторид. Ее волнует любовь. И повышение по работе. Чтобы ее хотели и она брала от жизни все, что может. Она хочет понять, почему у нее до сих пор прыщи, хотя ей уже двадцать один. Ее волнует, что ее парень считает ее грудь слишком маленькой. Ей нужно знать, что мастурбировать – совершенно нормально, и что это может сделать ее лучшей любовницей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.